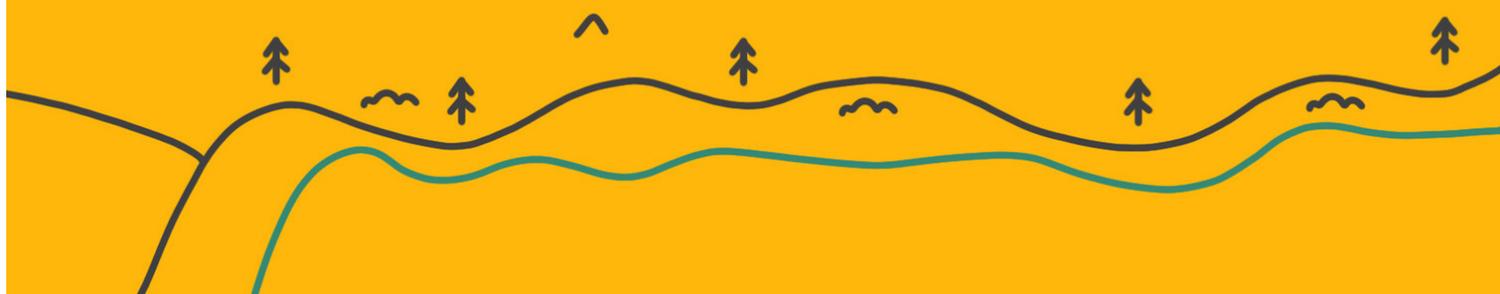

АЛЕКСЕЙ РЕБЕЗОВ

ДОРОГА

ПОД

СОЛНЦЕМ

Алексей Ребезов
Дорога под солнцем

«Буквально»

2017

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)

Ребезов А. В.

Дорога под солнцем / А. В. Ребезов — «Буквально», 2017

ISBN 978-5-9965-0213-4

В романе «Дорога под солнцем» рассказывается о жизни молодого человека, его детстве, проведенном в Советском Союзе, семье, учёбе в школе, первой любви, об особом духе того времени. О том, как постепенно формировалась его личность и физическое воспитание, а также об иммиграции в Аргентину. Откуда у него вообще появилось, ещё в раннем возрасте, нестерпимое желание уехать за границу. Книга расскажет о том, что ему пришлось пережить и испытать во время пребывания в Аргентине, Южной и Центральной Америке. Роман состоит из двух частей, первая называется «В лучах мечты», вторая «Тернистый путь домой».

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9965-0213-4

© Ребезов А. В., 2017
© Буквально, 2017

Содержание

Предисловие	5
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	22
Глава IV	24
Глава V	36
Глава VI	48
Глава VII	54
Глава VIII	61
Глава IX	67
Глава X	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Алексей Ребезов

Дорога под солнцем

В лучах мечты

Предисловие

Уважаемые читатели! В этой книге пойдет рассказ о судьбе молодого человека, рожденного в Советском Союзе в конце шестидесятых, затем иммигрировавшего во второй половине девяностых в южноамериканскую страну Аргентину.

Сама идея написать эту книгу возникла у автора, когда ему в руки попался дневник, который долгие годы, начиная с детства, день за днем, вел герой этого романа. Этот молодой человек происходит из рядовой семьи, где родители были простые инженеры, и они не имели высокопоставленных или знаменитых родственников, не было, как принято говорить, нужных связей и больших возможностей.

Очень много написано книг – и снято еще больше фильмов – про судьбы выдающихся деятелей политики, науки, искусства, исторических личностей. В данной же книге речь пойдет об обыкновенном человеке, одном из многих, который волею судьбы выбрал себе необычную дорогу. Как сложилась его судьба, сколько ему пришлось вынести и пережить – расскажет эта книга. Она покажет, что жизнь любого человека может быть очень интересна, непредсказуема и удивительна. К тому же написана она очень простым, народным, легким языком.

Читателю самому предстоит разобраться, где правда, а где добавлен авторский вымысел. Роман написан в смешанном, биографическом и приключенческом стиле, кое-где добавлены остросюжетные моменты, впрочем, очень близкие к реальности. Речь пойдет о детстве героя, о том, как у него зародилась сама идея об отъезде, его первой школьной любви, мечтах и переживаниях, а также его сомнениях и метаниях в более зрелом возрасте. Служба в советском стройбате, ведение бизнеса в Москве в смутные девяностые, путешествия по Европе, особенности иммиграции в Аргентину и временами непростой – на первом этапе, – а порой даже опасной жизни в удивительной Южной Америке.

По ходу романа герой взрослеет, меняется и набирается жизненного опыта. Он встречается с разными людьми и разговаривает на всевозможные темы, размышляет и философствует о смысле и его предназначении в этом мире. Кто-то увидит себя в какие-то моменты своей жизни, кто-то узнает что-то новое и незнакомое, особенно молодежь, а кто-то это уже все знает, потому что через многое прошел сам.

Я надеюсь, что каждый читатель, взявший в руки эту книгу, найдет что-то интересное для себя и прекрасно проведет время за чтением этого романа. Роман состоит из двух книг. Это книга первая. От души желаю приятного и увлекательного чтения. Это первое и пока единственное мое произведение.

Глава I

Отъезд

Здравствуйте, проходите, пожалуйста, – улыбнулась профессионально поставленной улыбкой стюардесса «Аэрофлота» и, быстро посмотрев посадочный талон, деловито добавила: – Ваше место в середине салона, по левой стороне возле окна.

Вместе со всеми в салон прошел молодой человек, неся плащ, перекинутый через левую руку, а в другой руке он держал небольшую спортивную сумку серого цвета. Пассажиров было много. Кто с багажом, кто без, все проходили, громко разговаривали, сновали по салону и возле своих кресел. Возле его места крутился какой-то толстяк, пытаясь устроиться на свое сиденье. Артем – так звали молодого человека – не спеша снял пиджак и вместе с плащом и сумкой положил его в верхнее отделение ручной клади багажа.

Немного остановимся на внешнем облике этого молодого человека. На вид ему можно было дать 25–27 лет, среднего роста, нормального телосложения, подтянутый, что давало понять не чуждость к спортивным занятиям. Овальное лицо с некрупным подбородком, курносый нос, на котором сидели очки в пластиковой оправе. По его внешности и манере поведения было видно, что он принадлежит к тем людям, которые выросли в интеллигентной семье и имеют некоторое образование.

– Разрешите, вы не возражаете, если я пройду к своему месту? – обратился он к толстяку, который все еще ерзал на узком кресле, пытаясь поудобней устроиться.

– Йа-йа, – услышал он в ответ, и толстяк, улыбаясь, с готовностью встал и что-то еще продолжал говорить, из чего Артем понял, что немец совсем не говорит по-русски и просто догадался, чего от него требуется.

«Общение в дороге будет непростым, да и вообще его не будет, а ведь лететь часов 17. А с другой стороны, нужно ли мне общение, думаю, что ответ нет», – подумал Артем, усаживаясь возле окна. Салон меж тем заполнялся людьми, была слышна речь на разных языках и царил суев. Из иллюминатора были видны огни взлетно-посадочной полосы и белые хлопья мокрого снега, падающие в ярком луче прожектора, ведь на календаре было уже 17 ноября. Машины технического обслуживания сновали туда-сюда между самолетами, выполняя различные работы.

Артем откинулся в кресле и попытался расслабиться, но не особенно получалось: в мыслях проносились события сегодняшнего вечера. Семейный ужин с родителями и женой, съемки на полароид для фотоальбома, фраза отца о том, что из всех присутствующих труднее всех ему, Артему, а для всех остальных все будет по-прежнему. Затем поездка в надвигающихся сумерках и первом снеге по Ленинградскому шоссе на «четверке» приятеля с прежней работы, который любезно согласился довезти его до Шереметьева-2. Обнимания, поцелуи напутствия родных, обещания жены как можно быстрее завершить все дела здесь и приехать затем к нему.

Далее была длинная очередь на таможенный и паспортный контроль, где возле него оказалось семейство из семи человек – четверо взрослых и трое детей школьного возраста, – которое перевозило кроме огромного количества багажа на пяти тележках еще и собаку непонятной породы с хохолком на голове, в золоченой клетке. Дама лет пятидесяти из этой группы, одетая во все пестрое, как цыганка, в бусах и перстнях, громко что-то обсуждала со своими спутниками, которые в основном слушали и кивали головами в знак одобрения. Потом всплыло лицо пограничника, который долго сравнивал фотографию в паспорте с оригиналом, видимо, сверяя нос, уши, расстояние между глаз и что-то еще, одному ему ведомое.

В киоске после прохождения контроля Артем купил журнал, который сейчас лежал рядом, и шоколад с орехами, потому что, очень любил сладкое. Несмотря на то, что внешне он был спокоен, на самом деле волновался, нет, не о самом перелете или дальней дороге. Он летал в своей жизни много-много раз и был заядлым путешественником, поэтому сама поездка его не беспокоила. Он посещал Италию, Францию, Венгрию, Чехию, Турцию, но никогда не уезжал насовсем. По крайней мере, он так думал, так как это была не рядовая туристическая поездка – это было не что иное, как иммиграция. Хотя он рассматривал это по-своему и определил это как пробу своих сил и возможностей для реализации давней мечты, которая зародилась еще в детстве, и ради которой он был готов на многое.

Артем очень хотел уехать и мечтал жить в какой-нибудь небольшой западной стране, желательно с теплым климатом, в уютном городишке, предпочтительно расположенном на морском или океанском побережье, где он мог бы полноценно работать и хорошо себя чувствовать. У него с рождения была бронхиальная астма, которой никак не подходил климат Москвы и Московской области. Нет, он не витал в облаках и не носил розовые очки. Он не мечтал о яхтах и особняках и не хотел стать миллионером. Артем был реалистом. Все, чего ему хотелось, это иметь небольшой собственный бизнес, который был бы ему по душе и давал бы средства к существованию.

Он опять взглянул в иллюминатор, и на фоне его душевного состояния всплыли воспоминания, как он, будучи двенадцатилетним подростком, вместе с родителями в самом начале восьмидесятых приезжал в выходные, на недавно купленном отцом новом автомобиле ИЖ-Комби, в Шереметьево-2. Они приезжали сюда, чтобы посидеть в кафе, выпить чай или кофе с пирожными, в этот только что построенный немцами терминал к московской Олимпиаде 1980 года, с удовольствием наслаждаясь атмосферой, царившей вокруг, так отличавшейся от обычной их повседневной жизни советского человека. Слушая, как объявляют рейсы, отправляющиеся или прилетающие из Парижа, Лондона, Дели, Нью-Йорка и других городов со всего мира, маленький Артем представлял себя на месте пассажира какого-нибудь рейса. Иногда можно было здесь увидеть какую-нибудь знаменитость, как, например, Елену Образцову, Муслима Магомаева или кого-то еще.

«Дамы и господа, – раздалось в динамике салона, – экипаж Ил-96 приветствует вас на борту нашего лайнера, мы совершаем рейс по маршруту Москва – Острова Зеленого Мыса – Буэнос-Айрес. Время в пути 16 часов 35 минут, во время полета вам будет предложено трехразовое питание и прохладительные напитки, просим всех занять свои места и пристегнуть ремни». После этого самолет начал медленно маневрировать по полю, пока не остановился в начале взлетной полосы.

Гул голосов в салоне затих, наступила тишина, двигатели лайнера натужно взревели, и появилась небольшая вибрация. После чего начался разгон, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Всех мягко вдавило в кресла, и затем самолет резко стал набирать высоту. Когда он наклонился, делая разворот, в иллюминаторе была видна полоска огней Ленинградского шоссе и вдалеке огни Москвы, свет которых окрасил в желтоватый оттенок все небо над городом.

Артем установил удобный наклон кресла, отстегнул ремень и, прикрыв глаза, подумал о том, что вот и наступил тот миг, о котором он мечтал, о котором, может быть, будут говорить будущие дети и внуки, хотя, может, этого и не будет или им будет все равно, кто его знает. Немец на соседнем кресле сидел в наушниках и, судя по доносившимся звукам, слушал классическую музыку.

– Что будете пить? – отвлекая Артема от мыслей, приветливо и почти ласково спросила стюардесса, неожиданно для него появившаяся в проеме между креслами.

– Минеральной воды два стаканчика, один с газом второй без.

Один стаканчик с газом он выпил сразу, второй оставил на столике на потом. Немец взял себе томатного соку.

За окном было темно, гул голосов в салоне заметно поубавился, немец, продолжавший слушать музыку, стал изучать какие-то документы, которые вынул из толстой папки. Артем тем временем занялся просмотром журнала, который он себе купил. Спать совсем не хотелось.

Глава II

Детство Артема. Часть первая

Светало. Тоненький солнечный лучик проник сквозь неплотно задернутую занавеску и осветил дальний угол комнаты, индийский ковер, висевший на стене, и полку с книгами. В противоположном углу стояла кровать, туда луч еще не проник.

– Артем, пора вставать. Просыпайся, соня, а то в школу опоздаешь, – раздался мамин голос из соседней комнаты, – уже без пятнадцати восемь.

Артем сладко потянулся, затем свернулся калачиком, укутавшись поглубже в теплое мягкое одеяло, вылезать из-под которого никак не хотелось.

– Так ты встаешь или нет?

Осознав, что вставать все-таки придется, он отозвался:

– Ща, мам, уже встаю.

Он сел в кровати и, посидев с минуту еще в полудреме, не торопясь встал и пошлепал босиком в ванную, которая находилась у кухни, откуда пахло приготовленной яичницей.

«Солнце красит ярким светом стены древнего Кремля, просыпайтесь, пионеры, вам вставать давно пора», – слышалось из радиоприемника, стоявшего на кухне. «Как актуально», – подумал Артем. Он умылся, быстро и шумно фыркая и сморкаясь, выскочил из ванной и метнулся к столу, где его ждал завтрак: кружка кефира, яичница, хлеб с маслом и вареньем. Проглотив все это без особого удовольствия, глянув на будильник, на котором было уже 8.15, спешно стал одеваться. Рубашку, школьную форму и босоножки он надел мгновенно, а вот с пионерским галстуком пришлось повозиться, но все равно подушечка на нем вышла неровно, да и концы получились разной длины. Схватив портфель и мешок со сменной обувью, шелкнул замком на входной двери и уже из холла крикнул:

– Ма, я ушел.

– Ключи взял?

– Да взял, – прокричал Артем уже на бегу.

Сбежав как метеор по лестнице, он выскочил во двор, благо школа находилась в тридцати метрах от его дома. Школьный двор был прямо под окном квартиры, в которой Артем жил с родителями. Преодолев данное расстояние секунд за 20, он влетел в двери школы, бросил мешок со сменкой в гардеробе, так как было тепло, а босоножки он надел заранее. Скача по лестнице – ступеньки через две – на третий этаж, он догнал Вовку из 5-го «Б», параллельного класса.

– Здорово, Вован, вроде успеваем, у тебя часы есть?

– Привет, есть, сейчас 27 минут девятого.

– Отлично, у вас сейчас что?

– Рисование.

– А у нас англи-и-ийский, – невесело протянул Артем.

Достигнув нужного кабинета на третьем этаже, Артем влился в галдящую, шумящую массу одноклассников, толпой входящих в двери.

– Смотрите-ка, а вот и Репкин пожаловал. Ну надо же, успел, однако, репка-сурепка, – подели девчонки из его дома.

Очень смешно, – отпарировал Артем и показал им язык.

Далее он, влекомый потоком, пробрался к своей второй парте и занял место у окна; он всегда здесь сидел.

– Привет, Колян, – сказал он подошедшему соседу по парте.

После 3-го класса все сидели с кем хотели, а не мальчик с девочкой, как было раньше, хотя это не поощрялось учителями. Сосед Колька Федосов был неулыбчивым пацаном с задумчивым лицом, ходил немного сторбившись – хотя не был высокого роста – и обладал аналитическим складом ума, что отражалось на учебе. Он был отличником и очень злился, когда получал четверку, а для Артема, наоборот, это являлось хорошей оценкой. Учеба воспринималась им как неизбежная обязанность и тяжелая ноша, которую ему нужно было нести. Он прекрасно понимал, что она нужна, но всегда с огромным трудом заставлял себя учиться.

Это не касалось всех предметов. Например, на истории и географии он с интересом слушал преподавателей. А на таких предметах, как физика, математика или английский, он просто многого не понимал и не стремился понять; они давались ему крайне сложно. Про Артема сложилось мнение, особенно у учителей, что это хулиганистый мальчик, озорник, драчун и проказник, не вписывающийся в стандартные рамки примерного ученика. Когда где-то что-то происходило, то всегда в первую очередь думали на Артема. Когда в конце года подводили итоги, то намекали, глядя на него, что нужно кое-кому подтянуть много предметов, имея в виду его весьма среднюю успеваемость.

На самом деле вся причина была в том, что у него было очень много энергии – которая, кстати, сильно поубавилась с годами, – но направлена она была не на учебу. У него всегда была потребность ее выплеснуть, и он не мог долго сидеть на одном месте, тем более 40 минут, сколько длился урок. Эта энергия выражалась в потасовках на переменах, ломкой инвентаря и даже поджоге школы, неумышленном и случайном, закончившимся благополучно без последствий, но за ним закрепилось с тех пор прозвище Поджигатель. Неудивительно, что учителя Артема недолюбливали, а некоторые и совсем невлюбили.

Ребенок-юла – так его с самого детства называли родственники. Он старался все время что-то схватить в руки или вдруг мог резко побежать, когда только научился ходить, что доставляло немало хлопот его маме. Бабушки не могли с ним долго находиться, они просто уставали от него, ведь его любимое занятие было делать все наоборот. В общем, там, где был маленький Артем, про спокойствие можно было забыть, и нужен был глаз да глаз за его проделками.

Лет в пять на даче под Истрой, пока дед ремонтировал крышу, забил все гвозди, приготовленные для кровли, в землю, чем очень рассердил деда, посчитавшего, что внук сделал это нарочно. Дед не переставал говорить родителям: «Смотрите, какой сын у вас растет, бандит будет». В следующий сезон на этой же даче он свалился с самодельного турника и сильно поцарапал себе голову, напугав родителей, войдя в летнюю кухню с ладонью, полной крови. Тогда он проходил две недели с забинтованной головой, а в довершение всего там же, на даче, соседская такса укусила его за живот, когда он ее дразнил. Из взрослых никто не мог понять, почему именно за живот, ведь таких укусов не бывает. И как так получилось? Благо собака была здорова, и уколов делать не пришлось.

Уже на другой даче, в другой раз Артем тоже с пользой проводил время. Бабушка Артема, мамина мама, купила в 1971 году дом в деревне Алексеенки, в ста километрах от Москвы, с большим участком. В деревне жили местные, и у каждого двора была своя живность. Артем пробовал с дерева оседлать сначала быка и покататься на нем, потом гонял соседских гусей и овец, причем овцы были на привязи и бегали по кругу. После, впрочем, вынужден был бежать сам в лес от разозленной хозяйки, бежавшей за ним с кнутом. Можно добавить, что кнут не был последним, и Артемка еще много-много натворил мелких проказ.

Когда он бывал с родителями на море, целыми часами не вылезал из воды, барахтался, бегал по пляжу, нырял, чем всегда волновал родителей. В общем, всем людям, каким-либо образом, связанным с его обучением или воспитанием, он доставлял немало хлопот.

Возвращаясь к учебе, оценки за четверть действительно не радовали, но совсем не потому, что он был балбесом. Как-то разговорившись с новой учительницей литературы, он сообщил ей, что его отец работает старшим инженером-конструктором на крупном заводе, а

мама преподавателем экономики в МАИ. Учительница сильно этому удивилась; она думала, что Артем из неблагополучной семьи.

Объяснить такую ситуацию можно следующим образом: он почти не учился, он не мог долго вдумываться в то, что рассказывали на уроке, его хватало максимум минут на пятнадцать, все остальное пролетало мимо ушей. Выполнение домашних заданий протекало следующим образом: прочитав какой-либо параграф по предмету для него не особо интересному раза 3–4, он не мог повторить даже вкратце прочитанное. Для запоминания ему требовалось, сосредоточившись, прочитать хотя бы раз десять, на что у него, естественно, не хватало терпения. А раза 2–3 читать было все равно, что не читать. По этой причине иногда он вообще не открывал учебник, и вся эта учеба его тяготила в какой-то мере, до определенного момента.

В итоге он частенько получал за это двойку, но продолжал в том же духе. Нередко случалось, что двойку ставили после того, как он читал и готовился. Родители его ругали, а отец иногда применял даже ремень, но это не действовало результативно. Одноклассникам, судя по разговорам, достаточно было прочитать 1–2 раза что-либо, и все запоминалось. Нет, у него не была плохая память – у него была неважная усидчивость. Память, скорее всего, была избирательной, и он запоминал только то, что было для него действительно интересно.

Много лет спустя он занимался на индивидуальных занятиях французским языком и когда-то запнулся на секунду при пересказе многолистного текста. Учительница сказала: «Вспоминайте, вспоминайте, Артем, у вас прекрасная память». Также превосходно было у него со зрительной памятью. Раз, где-то что-то увидев мельком, он мог это вспомнить в нужный момент. Но сейчас он относился ко всей этой учебе по-детски, не совсем понимая, чего от него хотят, и не думая об этом. Зато все время проводил во дворе, читал дома сказки и даже писал собственные, ходил в спортивную конькобежную секцию на «Водном стадионе».

Кроме этого, больше всего на свете он любил путешествовать, естественно, с родителями. И этому было несколько причин. Случилось так, что, когда маленькому Артему не исполнился еще годик, он заболел воспалением легких. Врачи спасли его, но то ли при лечении была повреждена иммунная система организма, то ли сам организм был очень слабенький. Это дало целый букет заболеваний, таких, как бронхиальная астма и аллергия на весеннее цветение растений и особенно трав. Она продолжалась с мая по середину июля.

Мальчик плохо переносил сырую, холодную погоду, часто простужался, а в период цветения не мог надолго выезжать за город на природу, где у него случались приступы удушья. И вот именно поэтому – с наступлением весны – родители старались вывезти его на юг к морю, где цветение уже закончено, а воздух теплый, морской и полезный. Они старались оставлять его там на целое лето, благо у мамы, как у преподавателя, был отпуск 60 дней, а у папы – 30.

Артем ездил на юг каждую весну, начиная с 1973 года. Для него это был праздник души и тела. Он забывал про свои недуги и все эти месяцы прекрасно себя чувствовал и открывал все время что-то новое, так как они всегда были в разных местах. Весь учебный год – а особенно весной – Артем думал и мечтал о предстоящих каникулах, о поездках, о том, как опять мерно застучат колеса вагона поезда по рельсам – туду-туду, туду-туду. Мечтал, как прильнет, как обычно, к окну и будет с удовольствием смотреть, как замелькают дома, поля, леса, изменится пейзаж, и через двое суток он снова будет бултыхаться в теплом море.

Позапрошлым летом, например, он провел целый месяц с папой под Одессой, в местечке Коблево, в пансионате. Как обычно, не вылезал из моря и ловил рыбу с берега на самодельную удочку. Затем, когда папа уехал, приехала мама, и они поехали в Молдавию к родственникам в село Страшены, что недалеко от Кишинева, где и пробыли остальную часть лета. Озорной Тёма, играя во дворе сельского дома, где они жили у родственников, выпустил двух нутрий из клетки, и одна из них упала в выгребную яму туалета. Дядя Павлуша – так звали родственника – долго и с трудом ее оттуда доставал, ругаясь на чем свет стоит. Артема, естественно, наказали за этот поступок, запретив прогулки по двору на два дня.

Основным воспоминанием после Молдавии для него осталось совсем не происшествие с нутриями, а огромное количество разнообразного винограда, которого он там объелся, как думал, на всю жизнь. А также запомнилось посещение – опять же с помощью родственников – винных погребов с огромными многотонными бочками на винном заводе, где работала мамина троюродная сестра.

Вот такой был Артем Репкин, ученик 5 «А» класса средней общеобразовательной школы № 153 Ленинградского района г. Москвы, который в этот осенний день в данный момент играл в «Камень, ножницы, бумага» на щелбаны с Вовкой Савошником, который сидел позади него, за третьей партой. Учительница немного задерживалась, и класс гудел как встревоженный улей. Двое самых задиры и забияки за последней партой – Новоков и Отян, – соорудив из ручек трубки, стреляли исподтишка плотно сжеванными бумажными шариками по девочкам.

– Сейчас я Нусковой в ногу попаду, – сообщил Андрияха своему соседу и стрельнул, наклонившись из-под стола, однако был замечен. Увесистый учебник английского со словами «получай зараза» опустился на его голову в тот самый момент, когда он вылезал оттуда.

– Ты что, с ума сошла? Больно, ведь я ничего не делал.

– Сейчас еще получишь за вранье.

– Да ладно, ладно уже, все, я больше не буду, – обиженно проговорил Новоков, почесывая макушку.

– Вот то-то же, посмей только, – произнесла грозно Карина и возвратилась на свое место.

В центре класса группа мальчиков и девочек обсуждали вчерашний фильм три мушкетера:

– А он его как хряснет шпагой, а тот кубарем со второго этажа.

– Не со второго, а с крыши.

– Девчонки, а какие красивые, нарядные платья, правда?

– Да ничего особенного.

– Я выиграл! У меня бумага, у тебя камень. Подставляй лоб, – сказал Артем и приготовился щелкнуть Савошника, который вместо лба подставил учебник. – Это нечестно, убирай книгу.

В этот момент дверь скрипнула и в класс вошла учительница английского Галина Евгеньевна, она же была и классным руководителем. Это была молодая женщина лет двадцати пяти, худенькая, с прямыми чертами лица и с очень прямой походкой. У нее были длинные светлые волосы, собранные на затылке в пучок. Своей манерой она напоминала даму из высшего общества. В руках у нее был квадратный аккуратный портфельчик, с которым она всегда ходила. Галина Евгеньевна пришла в школу видимо сразу после пединститута, и это был ее первый опыт как классного руководителя. Она хотела видеть во всем порядок, дисциплину и, конечно же, хорошую успеваемость ее подопечных.

Шум и гам мгновенно прекратился. Кто был у своих парт, встали, застыв в приветственной стойке. Кто был в пути к своим местам, быстро их достигли, и наступила полная тишина.

– Доброе утро, дети. Гуд мининг, садитесь. Как прошли выходные, как отдохнули? – спросила она класс, когда прошла и села за свой стол.

Послышались ответы с разных сторон:

– Хорошо!

– Отлично!

– Мало.

– Быстро пролетели.

– Прекрасно, – улыбнувшись, сказала Галина Евгеньевна, – пусть это будет еще одной темой, о которой вы мне расскажите на английском.

Восторгов у класса это не вызвало, по крайней мере, у большинства учеников, за исключением четырех – пяти отличников, которые были, что называется, в постоянной боевой готовности. В установившейся тишине послышался шелест перелистываемых страниц учебника.

– Не волнуйтесь, ребята, я буду помогать. Кстати, в субботу всем классом мы идем в кино, после второго урока.

– Ура!

– Классно!

– Здорово!

– Вот это да!

– А какой фильм?

– По-моему, «Лимонадный Джо».

– Вот здорово.

– Идем все без исключения, теперь перейдем к нашему уроку. Какое домашнее задание было, кто мне напомнит?

– «Лондон. Столица Великобритании», – ответила Лена Сорокина с первой парты.

– Правильно, очень интересная тема. Кто пойдет к доске отвечать?

Наступила мертвая тишина, желающих не было. Все сидели, с умным видом уткнувшись носом в учебники. Галина Евгеньевна видимо хотела начать новую рабочую неделю с приятного и поэтому сказала:

– Неужели нет желающих? Такая интересная тема. Но раз никто не хочет, мне придется вызвать самой. Пусть пойдет отвечать Лукомчук.

Сразу же послышались облегченные, еле слышные вздохи, покашливания и т. д. Все знали, что Коля Лукомчук прекрасно расскажет. Он был круглый отличник и любимец учителей. Коля вышел бодрым шагом к доске и начал рассказывать:

– Лондон является столицей Великобритании.

Артем слушал Лукомчука недолго, затем начал рисовать на последней странице тетради средневековый замок, одиноко стоящий на скале и соединяемый с горой через подъемный мост. Закончив рисовать, он обратился к своему соседу, показывая рисунок:

– Скажи, Колян, что, этот замок неприступен?

– Смотря для какого времени, – ответил Коля в своей привычной аналитической манере.

После чего Артем нарисовал кучу ракет, сыплющихся на замок, и снова показал соседу, сказав, что замку пришел конец. В это время Лукомчук уже завершил рассказ о Лондоне и отвечал на вопросы Галины Евгеньевны по этой же теме.

– Молодец, Коля, отлично. Садись, пятерка. Вот как надо знать урок, так, как это получается у Коли.

Затем была пауза и совершенно неожиданно, для Артема, Галина Евгеньевна сказала:

– Репкин, не хочешь рассказать по-английски, что ты делал в воскресенье?

Артем встал, пожал плечами, всем своим видом показывая, что рассказывать особо нечего, а вслух добавил:

– Галина Евгеньевна, да я ничего интересного не делал, поэтому и рассказывать, в общем-то, нечего.

– Хочешь сказать, что ничего не делал? Но что-то ты все-таки делал?

– Совершенно ничего. Отдыхал и гулял на улице во дворе. Это неинтересно, – оживившись, ответил Артем.

– Отлично, а теперь скажи это, правильно построив фразу на английском. Скажи, что это воскресенье ты провел дома с родителями и гулял во дворе. Можешь?

– Да, наверное.

– Давай попробуй.

Артем пытался что-то вспомнить и построить предложение, а также внимательно слушал, что ему подсказывал с места Колька Федосов.

– Ай, – начал он.

– Правильно, хорошо, дальше. Ребята, можете помочь Артему?

Артем с удовольствием закончил короткий рассказ, благо большую часть ему подсказал Колька и ребята со своих мест. В ходе этого рассказа он вспотел и сильно нервничал.

– Хорошо, вот мы и помогли общими усилиями Репкину рассказать, как прошел его выходной. Давай, Артем, сюда свой дневник.

Артем нехотя достал из портфеля дневник и передал его учительнице, где в графе «Оценка» появилась красная тройка.

– Заполняй, пожалуйста, Артем, полностью дневник, у тебя очень много пустых граф, и удели больше внимания своему английскому и выполнению домашних заданий, – отдавая дневник, проговорила Галина Евгеньевна.

– Хорошо, Галина Евгеньевна. Конечно заполню. – А про себя в этот момент подумал: «Каким только образом уделяй не уделяй, все равно бесполезно».

Артем возвратился на свое место в принципе довольным, так как знал, что он на сегодня свое получил и его больше не вызовут.

– Теперь к доске пойдет Камешкова Вика, – продолжила Галина Евгеньевна.

Вика вышла и рассказала про Лондон великолепно.

– Очень хорошо, Вика, мне понравилось. А теперь ответь, пожалуйста, на вопросы по теме.

На вопросы – по всей видимости, простые – Вика, как ни старалась, ответить не смогла.

– Ну как же так, Вика? – удивленно и с сожалением в голосе проговорила Галина Евгеньевна. – Я тебе задаю вопросы по тексту, который ты отлично рассказала, а ты не можешь ответить ни на один. Выходит, ты просто вызубрила текст и все, но его не понимаешь, так не пойдет. Давай свой дневник, а на следующем уроке ответишь снова.

Получив двойку, Вика очень расстроилась и даже заплакала:

– Галина Евгеньевна, я ведь готовилась и учила. Как же так?

– Вика, нужно понимать, что ты учишь, а так не пойдет, подготовься к следующему уроку.

Вика медленно, утирая слезы, пошла к своей парте.

– Теперь, ребята, начинаем новую тему. Открываем тетради и пишем: «Вспомогательные и модальные глаголы».

Артем машинально записывал к себе в тетрадь все, что появлялось на доске, особо не вдумываясь в тему, лишь бы успеть все списать, пока учительница это не стерла и не перешла к другому. Прозвенел звонок: дзюнь, дзюнь, дзюнь.

– Ребята, обязательно все запишите, это важно, а дома читать страницы 46, 47, 48 и делать упражнения с 1 по 5. И еще, всем сдать деньги на тетради, принести к следующему уроку. Козакова, подойди, пожалуйста, ко мне.

Учебники, тетради, подставки под книги, пеналы исчезали уже в портфелях и ранцах. Ребята, гомоня, быстро выбегали из класса. Артем тоже не стал задерживаться и вышел вместе со всеми. В классе остались несколько учеников, которые либо еще не успели собраться, либо что-то хотели уточнить у Галины Евгеньевны.

У выхода к Артему подошел Марузович:

– Тёма, ты видел, что Музаеву отец привез из командировки? Алексей показывал.

– Откуда, из какой командировки, что привез?

– Из Франции, из Парижа.

– Вот это да-а-а, – протянул Артем. – Нет, не видел и вообще первый раз слышу.

– Пойдем, посмотрим, я тоже не видел.

Они устремились в холл, где возле окна уже образовалась небольшая группа ребят из их класса, а также несколько из параллельного. Все с интересом что-то разглядывали. Музаев стоял в центре и с торжествующим лицом что-то рассказывал.

– Покаж, Леха, че такое. Я еще не видел вообще, – произнес Артем, протиснувшись сквозь толпу и схватив Музаева за рукав.

– Дать не могу, вдруг случайно сломаешь. Только из моих рук, ладно?

– Ладно, показывай.

В руках Музаева была шариковая ручка с прозрачной серединой, заполненной жидкостью, внутри находилась фигурка водолаза, которая при повороте ручки на 180 градусов пыталась всплыть вверх.

Ребята обсуждали:

– Классная штука.

– А она пишет?

– Конечно пишет, это ведь шариковая ручка.

– Вот здорово, а можешь подарить? – с безнадеей в голосе спросил Агапонов.

– Нет, не могу, ты что, мне отец только одну такую привез, себе оставляю.

– Слушай, а чего он еще привез? Ведь не одну же ручку? – спросил Артем.

– Так, совсем немного, жвачку и несколько монет, франков и сантимов.

«У тебя жвачка есть?», «Дай!», «Дай», «Дай попробовать», – слышалось со всех сторон.

Музаев сунул руку в карман и вытащил штук шесть – семь подушечек жевательной резинки в пестрых фантиках. И сразу десяток рук протянулось к ним. Артем стоял рядом. Он вцепился первым, и две подушечки уже были крепко зажаты в его ладони.

– Да осторожно, вы мне пальцы сломаете. Че, с ума сошли, что ли? – промычал Музаев.

«А мне?», «А мне тоже», «Мне не досталось», «А еще есть?» – слышалось со всех сторон.

– Да ну вас, мне чуть все пальцы не оторвали. Не дам больше ничего, он мало привез.

– Да ладно, мы так больше не будем. Дай, не жмоться.

– Сказал, что нет больше, мало было.

– А ты обещал монеты показать. Монету можешь дать? – спросил Артем.

– Ладно, только, чур, не выхватывать из рук. Кто это сделает, тот козел.

– Согласны, хорошо, покажи.

Музаев достал из нагрудного кармана школьной формы несколько монет достоинством от одного франка до пяти сантимов.

– Ух ты, здорово, дай посмотреть, пожалуйста, вот эти.

Через две секунды Артем с интересом вертел в руках две монеты, достоинством в один франк и 20 сантимов, серебристого и золотого цвета соответственно.

– Леха, подари вот эти две, пожалуйста, – попросил Артем жалостливо.

– Ладно, бери, – великодушно и покровительственно сказал Музаев.

Монеты мгновенно исчезли во внутреннем кармане Артема. Тот был на седьмом небе от счастья, ведь и жвачка, и монеты были у него, это была огромная удача.

– Ладно, а мне еще привез кроссовки и джинсы, – похвалился Музаев.

«Да ты что, правда?», «Вот везет кому-то», «Ух ты», «Вот это да!» – слышались возгласы ребят со всех сторон.

– Слушай, а твой отец как турист был или по работе? – спросил Прутиков.

– По работе, был в командировке. Он в медицине работает, врач и кандидат наук.

– А мои родители едут в следующем месяце в Болгарию. Они туда часто ездят и мне тоже монет привезут, – добавил Прутиков.

– Леш, а фотографии он там сделал какие-нибудь? Дашь посмотреть?

– Там не разрешают снимать, фоток нет, только на словах.

– Совсем-совсем не разрешают?

– Насколько мне известно, да. И ходят везде только по несколько человек, одному ходить нельзя, такой порядок.

– Блин, везет же некоторым, – сказал Марузович.

– Да ладно, везет. Вот у моего приятеля в 158 школе уехал его друган на три года в Марокко. Родители во Внешторге работают, послали в командировку.

– А у моей мамы, – вставил Артем, – лучшая институтская подруга уехала со всей семьей в Индию на 10 лет. Она приезжала недавно в отпуск и к нам заехала, привезла маме в подарок гранатовые бусы, индийскую посуду, ковер и перья павлина. Красивые обалденно, переливаются всеми цветами радуги.

Те, кто не принимали участия в разговоре, толклись за кругом «избранных» и с интересом слушали и наблюдали, вытянув шею. Любая информация и уж тем более что-то материальное, ошутимое, привезенное из-за границы, из мира далекого и недосягаемого, было целым событием для всех.

– Леш, а ты кроссовки в школу будешь надевать или только на улице ходить?

– Конечно. Завтра, наверное, приду.

– Леш, а жвачки больше нет? – спросили с задних рядов.

– Нет, ребят, все раздал. Ну мне же не вагон привезли.

«Дзень, дзень, дзень», – прозвенел звонок, перемена закончилась. По расписанию сейчас была математика, еще один очередной нелюбимый предмет для Артема. Он с неохотой побрел в класс, его переполняли эмоции. Во-первых, потому, что в кармане были презенты, а во-вторых, его всегда восхищали события, каким-либо образом связанные с далекими, таинственными и невероятно богатыми различными вещичками, странами Запада или Востока. Привлекало то, что нельзя было пощупать и посмотреть, то, что можно было видеть только на карте мира или в передаче «Международная панорама». Все это было для него очень волнительно.

Артем невольно понимал, что это другой мир, непохожий на тот, в котором он жил. Читая детские сказки – чешские, французские, сказки народов мира, про Карлсона и многие другие, – он видел, что там все было по-другому. Это не было похоже на жизнь в великом и могучем СССР. Картинки в книгах, содержание самих сказок и архитектура домов на рисунках были иные. И это неизведанное его манило.

Весь урок Людмила Дмитриевна – так звали преподавателя математики – рассказывала новую тему и особенно подчеркивала, что по ней будет контрольная работа. Все сосредоточенно списывали к себе в тетради то, что появлялось на доске, а учительница после каждой законченной формулы спрашивала:

– Вот это понятно?

И если реакция ребят была не очень убедительной, то объясняла снова. Урок пролетел быстро, после него была большая перемена.

– Тёма, пойдешь с нами к «Союзу» за пробками, а если останется время, сыграем после этого? – спросил у него Савошук, как только они вышли в коридор.

Артем сразу же согласился, ему очень нравилась игра в пробки, а взять их, кроме как возле отеля «Союз», было негде, потому как пробки были непростые. Игра в пробки заключалась в следующем: ставили стопкой пробки от пивных бутылок, одна на другую, по количеству игроков тыльной стороной вверх. Делали это на асфальте и рисовали вокруг пробок квадрат примерно 30х30 сантиметров, затем играющие отходили метров на 5–6 и кидали плоские биты, которые заранее отливали из свинца, добытого из старых автомобильных аккумуляторов. Если кто-либо из игроков попадал битой в стопку пробок, то он забирал себе все пробки, которые были перевернуты вверх лицевой стороной. Те пробки, которые остались лежать вверх тыльной стороной, требовалось перевернуть. И происходило это следующим образом.

Играющий кончиком своей биты должен был за один раз перевернуть пробку и в этом случае забирал ее себе. Если это не происходило, то очередь переходила к следующему игроку, у которого бита при кидании в квадрат была ближе, чем у других. Он тоже пробовал перевернуть пробки, перевернутые забирал. Иногда пробки подсакивали очень высоко и все, замерев, наблюдали, какой стороной она приземлится. Задачей было перевернуть как можно больше пробок, забрать их и после добавить к своей коллекции.

На советские пробки не играли – они не были в цене, потому что не имели рисунков, – только на импортные, которые тоже в свою очередь ценились за редкость. Самой распространенной пробкой была пробка красного цвета с изображением старика с белой бородой и кружкой пива в руках, ее так и называли «Старикан». Далее по цене следовала пробка с надписью «Будвайзер», затем пробка с изображением птицы, которую называли «Фазан» и «Золотой фазан» они были серебряного цвета и золотого соответственно. И самой дорогой считалась пробка с изображением короны и трех лилий. Играли обычно 4 «Старикана» за 1 «Корону» или 2 «Фазана» за «Корону», или «Фазан» и 2 «Старикана» за «Корону» и так далее.

Вчетвером – Репкин, Шкундяев, Новоков, Савощук – выбежали из школы, прямо в школьной форме, без курток и устремились к отелю «Союз», который находился на расстоянии около 500 метров от школы. Это было очень современное здание белого цвета, необычной архитектуры. Боковые стеновые панели имели вид пчелиных сот, окна были узкие и продолговатые, на крыше здания была неоновая вывеска: «Отель Союз». Этот отель в преддверии Олимпиады-80 был построен югославами. Открыт он был совсем недавно, и местный ресторан сразу же завоевал бешеную популярность.

Добежав до отеля, ребята сразу же кинулись к мусорным бакам, которые находились с тыльной стороны отеля непосредственно за рестораном. Благо никакого забора вокруг отеля не было. Вооружившись палками, они стали ворошить в них мусор.

– Ура, ребят, я «Старикана» нашел, – воскликнул Шкундяев.

– «Старикана», «Старикана» и я тоже нашел, – сообщил Новоков.

– Ха, а я «Фазана», – сказал довольный Артем.

В самый разгар поиска Савощук, который пока ничего не нашел, сказал:

– Ребята, тикаем отсюда, вон охранник идет.

– Это не охранник, а служащий, – сказал Новоков.

– Какая разница, все равно бежим.

– Ребята, ребята, а ну живо уходите отсюда, нельзя делать этого, – пригрозил подошедший служащий. – Вас иностранцы из окон снимают, фотографируют, а потом у себя печатают и говорят, что советские пионеры от голоду рыщут по помойкам, представляете, чем это грозит.

– Да ладно, мы ведь только пробки от бутылок ищем, но если надо, так надо. Сейчас уйдем, минут через 5, можно? – сказал Новоков.

– Нет, сейчас же уходите, я все понимаю, но порядок есть порядок.

– Ладно, пошли, а то на урок опоздаем, – произнес Артем.

Они возвратились в школу с уловом: у Репкина был один «Старикан» и один «Золотой фазан», у Новокова два «Старикана», у Шкундяева и Савощука по одному «Старикану».

Следующим уроком было рисование, где Павел Иванович – так звали преподавателя – объяснил, как нужно рисовать вазу, которую он поставил на табуретку возле доски. Павлу Ивановичу было около пятидесяти пяти лет. Это был седоволосый мужчина, аккуратной внешности, небольшого роста и в очках. Он всегда ходил в костюме и с большим, черным, кожаным портфелем.

– Обратите особое внимание на тени, как падает на вазу свет из окна. Тени мы заштриховываем, а светлое оставляем. После урока все рисунки с фамилиями на каждом ко мне на стол.

Артем с удовольствием нарисовал вазу и довольно быстро, гораздо быстрее, чем сосед Коля Федосов. В итоге у него получилось довольно неплохо.

– Молодец, а я вот еще не закончил, тени не получаются, – сказал Коля.

Возле стола Павла Ивановича толпились ученики – три девочки и два мальчика, – они наперебой предлагали посмотреть их работы и оценить их. Артем взял свой рисунок и тоже подошел к учителю.

– Вот смотри, как нужно было, – объяснял тем временем преподаватель Сорокиной Лене. – Нужно было линии провести вот так, а тени сделать с правой стороны, а они у тебя слева.

Артем хотел протиснуться без очереди и положить свой рисунок перед Павлом Ивановичем, но долговязый Вовка Агапонов его не пустил. В результате чего возникла некоторая потасовка в виде таскания друг друга за воротники. В итоге Вовка оттеснил Артема в конец очереди, все это сопровождалось словесной перепалкой, на что уже обратил внимание и преподаватель.

– Вы что здесь устраиваете, ну-ка сейчас же прекратите безобразие, рисунки положите мне на стол, а сами займите свои места.

– Ты козел, понял? – сказал Агапонову Артем.

– От козла слышу, – отпарировал Вовка, когда они шли уже к своим партам.

Рисунок Артема Павел Иванович оценил на 5 с минусом, указав, что немного не соблюдены пропорции, а так рисунок отличный, но требуется внимательность и аккуратность. На перемене перепалка между Артемом и Вовкой продолжилась и чуть не переросла в драку, после того как Артем напомнил, как он разбил Вовке очки в третьем классе, но одноклассники их разняли. Они, оба недовольные, разошлись по разным углам холла. На уроке биологии Артем сел рядом с Маринкой Козаковой, поскольку помещение класса было маленькое, меньше остальных, а Колька Федотов ушел домой, его забрала мама. Марина сама предложила, когда он остановился в нерешительности, где сесть:

– Артем, садись со мной, если хочешь.

– Да, спасибо, Марина, – согласился он.

У Артема были непростые отношения с девочками, в первую очередь потому, что он очень стеснялся общаться с ними. Чтобы как-то скрыть свою стеснительность и чтобы его не заподозрили в проявлении интереса к какой-либо девочке – а это было для него страшней всего на свете, – он в ранних классах, с первого по третий, с ними дрался, таскал за волосы, толкал, щипал и грубил. И чем сильнее ему кто-то нравился, тем сильнее той девчонке доставалось, зато он был вне подозрений. Сейчас он уже не дрался, но в глаза смотреть не мог, стеснялся. Поэтому в разговорах с противоположным полом он старался смотреть в сторону или в пол, а сам разговор как можно быстрее закончить, по-другому он вести себя не мог. Девочки это принимали за неуважение к себе, а Артема считали странноватым.

Марина Козакова была девочка очень интересная, с крупными, красивыми чертами лица. А чем красивее была девочка, тем более скованным себя чувствовал Артем.

На уроке учительница Светлана Юрьевна рассказывала что-то молекулах и хромосомах, но Артем слушал вполуха и рисовал на последней странице тетради.

– Что рисуешь? – спросила Марина.

– Да так, чепуху всякую.

– Неужели неинтересна тема урока?

– Ты прямо как преподаватель, – отпарировал Артем, уткнувшись в тетрадь носом.

– Чего ты такой злючка? Я просто из любопытства спросила.

– Да неинтересны мне эти хромосомы. Если бы за них не спрашивали, я бы вообще учебник не открывал.

– Ну, зря ты так, все состоит из молекул, это интересно.

– Послушай, хватит уже одного обучения сегодня.

– Фи, как грубо, мы просто разговариваем.

– Нашла о чем говорить.

– Как ты провел лето, что делал?

– Вот это другое дело, – улыбнулся Артем и оживился. – Ездил на море в г. Ейск, там, кстати, себя по телеку видел. Помнишь, в прошлом году ходили в киностудию «Центрнаучфильм», смотрели мультфильмы про Винни-Пуха и еще Евгений Леонов приезжал, а нас там снимали потихоньку. И вот я смотрю телек, а там передача идет, и в этой передаче показывают наш класс и меня конкретно крупным планом, так как я больше всех смеялся, наверное.

– Брось сочинять, врунишка.

– Да я правду говорю, честное слово, клянусь.

– А я не верю.

– Зря ты так, я честно себя видел по телевизору, – обиделся Артем. – А ты в Москве была летом?

– Ага, Олимпиаду смотрели по телевизору, открытие и соревнования, а потом на даче были с родителями.

– А сами на соревнования не ходили смотреть?

– Нет, наоборот, сказали, чтобы по улицам меньше гулять. Повсюду много иностранцев и нужно быть осторожнее, не разговаривать ни с кем, ничего от них не брать, а то отравить могут. Тебе разве такого не говорил никто?

– Говорили, но я уезжаю на все лето и мне все равно.

– Да прошедшим летом столько событий.

– Это точно.

– Козакова, Репкин, надеюсь, вы по сегодняшней теме общаетесь? – прервал их общение голос Светланы Юрьевны.

– Да, конечно, – с готовностью ответил Артем.

– Внимательно запомните эту тему, иначе без нее следующую трудно будет понять, обязательно запишите все то, что на доске.

Разговор прекратился, и Артем застрочил в тетради, записывая все, что написала на доске Светлана Юрьевна. Следующим уроком была литература, которая длилась мучительно долго для Артема. Он был занят своими мыслями, о том, как будет играть после школы в пробки, и о том, как он поменяет коллекционные машинки «мейд ин Гонконг» на индейцев у Толика из 5-го «Б». У него было несколько машинок, в свое время выменянных на марки, и он хотел их поменять на фигурки индейцев для своей коллекции. И то и другое было достать очень сложно, почти невозможно, все эти игрушки привозились из-за границы и были очень редкими, поэтому Артем ими дорожил.

В конце урока учительница напомнила, что завтра с утра политинформация, чтобы не забыли к ней хорошо подготовиться. Для этого велась целая отдельная тетрадь, куда нужно было вклеивать статьи из газет. В течение недели нужно было зорко отслеживать все выступления членов Политбюро ЦК КПСС на очередном пленуме. Основные тезисы, постановления, рекомендации, планы развития вырезались из газет и аккуратно вклеивались в тетрадь. На уроке учащийся выходил к доске с тетрадью и зачитывал статьи, которые, по его мнению, были актуальными на данной неделе. После этого всем классом вместе с учительницей обсуждалось прочитанное. Это была возможность поднять средний балл по предмету, так как можно было обстоятельно подготовиться и получить хорошую оценку.

Савощук и Новоков ждали Артема у выхода из школы.

– Тёма, играть будешь?

– Конечно, пошли за школу.

– У тебя что есть? – спросил Савощук.

– Пара-тройка «Стариканов», «Фазан» и «Корона».

– У меня все «Стариканы», штук 7, – ответил Вовка Савощук.

– У меня есть «Корона», «Будвайзер» и «Стариканы», – сказал Новоков.

Они прошли в школьный двор, нарисовали мелом квадрат, в который Артем положил два «Старикана» и одного «Фазана». Савошук положил четыре «Старикана», а Андрюха Новоков одну «Корону». После чего отошли на несколько метров и начали играть, благо биты всегда таскали с собой в портфелях. Первым кидал биты Новоков. Все, кроме него, в эту секунду хотели, чтобы он не попал, но Андрюха попал точно в пробки. Они разлетелись и две из них перевернулись, это были два «Старикана». Новоков сразу же их забрал и ударил по своей «Короне», но она не перевернулась. Он удрученно вздохнул и отошел в сторону, подошла очередь Артема. Он кинул точно в середину квадрата. Вовка тоже кинул и попал на край квадрата.

– Есть, моя очередь, – сказал торжественно Артем и, естественно, нацелился на «Корону». Ударил по краю пробки сильно. Пробка завертелась в воздухе и, к его огромной радости, опустилась лицом вверх.

– Опля, есть моя! – радостно воскликнул Артем, забирая себе пробку.

– Блин, повезло же, – обиженно сказал Новоков, когда его пробка исчезла в кармане Артема.

После Артем еще два раза бил и оба удачно. Он возвратил себе «Фазана» и одного «Старикана». Четвертый раз пробка не захотела поворачиваться лицом, и очередь перешла к Савошуку. В течение игры к ним подошли еще пара ребят из параллельного – Генка и Вадим, – которые тоже поставили свои пробки. Игра пошла по нарастающей. В итоге часа через два Артем насчитывал уже двенадцать выигранных пробок: там были и «Короны», и «Фазаны», и «Стариканы», и «Будвайзер», и даже одна редкая с головой оленя. Он хорошо играл и любил это, ну и просто сегодня ему везло, включая жвачку и монеты.

После игры все разошлись с разными настроениями по домам. Артем пришел домой в восторге, на столе его ждала записка от мамы, в которой были указания, что покушать, что где стояло и что требовалось разогреть. На обед был вкусный суп с курицей и котлета с пюре, после этого он еще наелся хлеба со смородиновым вареньем. Варенья было много, его делала бабушка; все пространство под диваном было заставлено одно- и двухлитровыми банками, запас имелся на всю зиму. Все произрастало на участке под Можайском, тот самый дом в деревне и участок в 24 сотки, где было полно клубники, смородины, малины и много-много чего еще и где трудились несколько семей все лето, но это отдельная глава. Артем, покушав и взяв машинки, пошел в соседнюю четырнадцатизэтажку к Толику, меняться. Толик был дома и сразу открыл.

– А, это ты, Тёма. Заходи, родителей нет. Машинки принес?

– Да, принес.

– Разувайся обязательно, пошли в мою комнату.

Толик был пухленький, розовощекий малый, одного роста с Артемом. Жил на пятом этаже в трехкомнатной квартире-распашонке, где две комнаты выходили на одну сторону дома, а третья – на другую, это и была комната Толика. В ней стояла кровать, шкаф с прозрачными стеклянными дверцами и письменный стол, примерно такой же, какой стоял у Артема дома. За стеклом дверцы шкафа на полке стояли вождельные индейцы из твердого каучука в приличном количестве и с антуражем в виде горной долины с ручьем, сделанным из папье-маше. Демонстрировалась часть какого-то сражения, и фигурки индейцев изображали разные сцены: кто бросал копьё, кто топор, кто стрелял из лука, кто из ружья и т. д.

– Нравится? – спросил Толик, видя, как Артем уставился на содержимое шкафчика. – Мне родственник привез год назад из Англии, но я сейчас индейцев не коллекционирую и перешел на машинки. Хочешь, покажу?

– Давай.

Толстый Толик встал на четвереньки и пополз под диван, из-под которого он достал плоскую большую коробку, покрытую черной бархатистой тканью, после чего поставил с любовью ее на письменный стол и открыл со словами:

– Это моя коллекция автомобилей.

Внутри коробка делилась на отсеки – около двадцати, – и почти в каждом отсеке была машинка. Там были гоночные болиды, полицейские авто, грузовики с прицепами, даже мотоциклы, штук семь отделений были пустыми.

– Смотри, – сказал Толик, взяв одну машинку, – какие у нее рессоры. – И уронил с высоты пятнадцати сантиметров на стол. Машинка подпрыгнула несколько раз. Он еще пару раз проделал это с передней осью и задней, после чего наклонился и запустил машинку по паркетному полу – машинка с шумом промчалась.

– Дай я попробую, – попросил Артем.

– Пожалуйста, пробуй, только осторожно, не сломай.

Артем взял в руки машинку и прочитал с тыльной стороны гравировку: «Мейд ин Тайвань», после чего проверил рессоры и был впечатлен.

– Да, здорово. Посмотри мои, у них тоже хорошая амортизация. – Он выставил на стол свои три машинки и после этого спросил: – А можно я сам индейцев выберу?

– Да, выбирай, – сказал Толик, взяв у Артема машинки и увлеченно рассматривая их по очереди. Глаза при этом у него заблестели, видимо, он был доволен обменом.

Артем выбрал трех индейцев – таков был предварительный уговор – и выставил их на стол рядом с машинками. Сделка состоялась. Артем осматривал фигурки индейцев: они могли менять поворот головы, сгибать и разгибать руки и ноги, можно было вытащить и вставить лук со стрелами и ружье. Он тоже был доволен. Толик уже поставил машинки себе в коробку и добавил:

– Еще немного, и у меня будет полная коллекция.

– Отлично, а у меня теперь двенадцать индейцев, вот только пейзажа такого нет, как у тебя, но со временем будет.

– Да-а, – протянул Толик.

– Ну ладно, я пойду, спасибо. В школе увидимся.

– Пока, – сказал Толик, открывая дверь, – я еще уроки не делал.

– Я тоже пока еще не делал. – Артем попрощался и ушел.

Артем вернулся домой в отличном расположении духа: ему сегодня с самого утра везло, что бывало крайне редко. Он расставил индейцев на книжной полке – получилась маленькая армия. Потом он вспомнил, что мама просила купить хлеба, и помчался в булочную. Купил батон белого за 18 копеек, полбуханки бородинского и две булочки себе, по 3 копейки каждая, отстояв очередь в десять человек. После чего, придя домой, без особого удовольствия занялся уроками.

На уроки ушло часа два. За это время он порешал задачки по алгебре и выучил – хорошо, как ему казалось – стихотворение по литературе. Однако прекрасно выученное и рассказанное стихотворение дома не давало никакой гарантии такого же результата в классе перед учительницей и ребятами. Остальную часть вечера он провел играя с индейцами и читал чешские сказки Божены Немцовой, ожидая прихода родителей с работы. Затем рано, часов в девять вечера, сразу после «Спокойной ночи...», которую он не смотрел, но слушал вполуха по старой привычке, лег спать. Так прошел очередной день в жизни Артема Репкина.

Глава III

Родители

Невозможно отразить полный портрет Артема без рассказа о его родителях и семье. Родители Артема были люди интеллигентные и высокоморальные, души не чаяли в своем ребенке. Они создали вокруг него ауру доброты и тепла и воспитывали его по науке. У них дома было много книжек по правильному воспитанию детей с дошкольного возраста и выше. Но, конечно, все это было с учетом слабого здоровья Артема.

Мама прививала ему любовь к искусству, живописи, музыке и ходила с ним в Третьяковскую галерею, на выставки, на концерты классической музыки. Благодаря ее увлечению, огромное количество литературы по искусству и поэзии хранилось в так называемой стенке и книжных шкафах. Она была женщина серьезной, простой, открытой и прямолинейной, говорила всегда громко и уверенно, возможно, отчасти от рода занятий. Она преподавала в Московском авиационном институте экономику студентам, который сама в свое время окончила. Артем всегда чувствовал себя с мамой уверенно, где бы они ни были: на выставке, в гостях или на каникулах на отдыхе.

В свободное время она писала стихи, особенно любила это делать на какие-нибудь мероприятия, такие как юбилеи, торжества или значимые события. Она была локомотивом домашнего и семейного очага. Почти все, что делалось и происходило у них дома и в жизни, происходило по ее инициативе, будь то поездка в Среднюю Азию, в Самарканд, или покупка мебели в квартиру. Она была из простой семьи. Ее мама, бабушка Артема, работала в Институте Курчатова, отчим работал стеклодувом на стекольном производстве, а брат, окончивший пищевой институт, был инженером в одном из КБ. Раньше они все втроем жили в районе м. «Сокол», куда мамина мама переехала сразу после войны.

Папа Артема был человеком с разносторонними интересами и, несомненно, одаренным. Он был мягким, добродушным и веселым, но при этом очень вспыльчивым, мог сорваться и психануть по поводу и без повода. Он тоже, как и мама, окончил Московский авиационный институт, где они, кстати, и познакомились. Работал на закрытом заводе инженером-конструктором, как тогда говорили, на «почтовом ящике». До этого работал в конструкторском бюро им. Лавочкина, что находится в г. Химки, запускал спутники.

Он был от природы физически абсолютно здоровым человеком и никогда не болел. Как парадокс, при этом прочитал огромное количество книг по здоровому образу жизни и покупал новые каждую неделю. Особенно он любил покупать журнал «ЗОЖ» (Здоровый образ жизни). Дважды в неделю он ходил на занятия по каратэ, которые в те годы стали очень модны, и несколько раз брал с собой на тренировки Артема, чтобы тот смотрел и приобщался. Он купался весь сезон в прудах в Покровское-Стрешнево, аж до первого снега, прыгал в воду, ломая тонкий осенний лед.

Природа наградила его особыми талантами. Первый – это дар рассказчика. Когда он начинал что-то где-то (при соответствующей обстановке) рассказывать, то сразу собиралась толпа народу и все слушали, настолько интересно это было. А второй дар – и, наверное, основной – это искусство фокусов. Да, он был иллюзионистом-любителем. В студенческие годы он участвовал в самодеятельности и добился известности в узких кругах, но в профессиональные иллюзионисты не пошел. Главное в его выступлениях, оставив секреты, было делать трюк так свободно и легко, как будто бы это было естественное продолжение движений или жестов. За это он был уважаем даже великими мастерами, Арутюном Акопяном, например. Также пользовался почтением у древнего старца, последнего факира России, как он себя называл, Лонго.

В тот момент Дмитрию Ивановичу было около восьмидесяти лет, и он с друзьями ездил на консультации к нему домой.

Вращаясь в этой сфере, он встречался со многими знаменитостями, как настоящими, так и будущими. Например, с Владимиром Высоцким, Николаем Губенко, который впоследствии стал министром культуры. Но в профессионалы, как уже было сказано выше, папа Артема не пошел, а по жизненной необходимости пошел работать на предприятие. Выступления же, он оставил для узкого круга, родственников и близких знакомых. И ни одно мероприятие не обходилось без его великолепного выступления, всегда заканчивающегося овациями и просьбой рассказать секреты проделанного фокуса, чего он никогда, как истинный иллюзионист, не делал. Таким был папа Артема, который воспитывал сына и прививал ему в первую очередь стремление к занятиям спортом. Тем самым пошел наперекор врачам, которые предписывали Артему практически постельный режим с прогулками на свежем воздухе и готовы были выписать ему постоянное освобождение от физкультуры.

С папой Артем освоил дыхательную гимнастику Стрельниковой и Бутейко, дыхание йогов и многое другое, что постепенно превратило его в полноценного человека, а занятия конькобежным спортом и боксом добавили физической крепости. Артем стал приобщаться к бегу, бегал трусцой. Сначала понемногу – по 300–500 метров, – потом километр, два, три. Постепенно, с годами, стал бегать по пять – десять километров и более, часто вместе с папой. «Ни дня без гимнастики» – вот что стало его жизненным кредо.

Это требовало большой силы воли, и она у Артема была. Еще у него было упрямство, и оно ему часто помогало, когда так не хотелось иногда делать гимнастику. Папа Артема всегда говорил, что «организм – это ленивое создание, стремящееся к горизонтальному положению, и его нужно все время подстегивать с помощью кнута». Артем это навсегда запомнил. Они вместе ходили на рыбалку – как летнюю, так и зимнюю, – катались на лыжах и ездили в походы в горы на Кавказ, в Кисловодск и Терскол, где лазили по горам и пещерам и катались на горных лыжах. И именно папа посоветовал сыну вести дневник своей жизни.

Такие были его родители, и так строилась жизнь маленького Тёмы. В семье было полное взаимопонимание и благополучие, поэтому неудивительно, что он больше времени проводил с родителями, чем с друзьями. Так сложились обстоятельства, и он был этим очень доволен, его все устраивало в этой жизни.

Глава IV

Первые дни в Аргентине

Звук работающих двигателей за бортом самолета слился в отдаленный, единый и еле слышный монотонный гул. Артем только что поужинал и с интересом смотрел в иллюминатор, несмотря на то, что время было позднее, судя по часам. Они пролетали над Центральной Европой. Небо было безоблачным, и с высоты в десять тысяч метров был виден город с мириадами огней, проспектами, улицами и переулками. Все они были хорошо освещены и казались сверху тоненькими, светящимися ниточками. Когда город закончился, ниточка дорожных огней повела к другому населенному пункту (которых было великое множество), а от него к другому и так далее, превращая все пространство под ними в светящуюся паутину, уходящую до горизонта. В Европе нет таких гигантских расстояний, как в России, и к тому же плотность населения является очень высокой, как и плотность населенных пунктов. Поэтому с высоты в данный момент все это представлялось великолепным зрелищем, которое сейчас он и наблюдал.

– Скажите, – обратился Артем к стюардессе проходящей мимо, – где мы сейчас пролетаем и что там внизу за город?

– Австрия, Вена, – коротко ответила она, для нее это было обычным рабочим моментом.

«Как здорово, – подумал Артем, – в Москве сейчас идет снег с дождем, а здесь нет даже облаков». Он еще долго любовался ночным пейзажем и через некоторое время даже различил великолепный фонтан, подсвеченный множеством огней, наверное, женеvский, ведь от Вены до Женевы было недалеко. После сон-таки одолел его и он задремал. Время было около полуночи. Позже сквозь сон он услышал из динамика:

– Просьба всем пристегнуть ремни и выпрямить спинки кресел. Наш самолет совершит посадку на Острова Зеленого Мыса.

Он сладко потянулся, разминая затекшие мышцы, и посмотрел на часы: было два часа ночи. Они стали снижаться, самолет маневрировал и время от времени в салоне возникало чувство невесомости. Посадка прошла великолепно и по традиции в конце были овации пилоту. Им сообщили, что самолет совершит дозаправку, которая займет полтора часа, и все это время они проведут в здании аэропорта. Также сообщили, что температура воздуха 26 градусов.

«Обалдеть!», «Вот это да!», «И это ночью», – пронеслось по салону.

Артем вышел вместе со всеми и спустился по трапу в слабых мерцающих огнях аэропорта. Что сразу почувствовалось при выходе из салона самолета, так это горячий и сухой, как из калорифера, воздух. Настолько горячий, что, пока они дошли пешком до здания аэропорта, которое находилось в двухстах метрах, у него прошел насморк и он к тому же вспотел, несмотря на то, что был в одной рубашке. Сам аэропорт не выглядел внушительно, мягко говоря. Вокруг было бескрайнее поле, а вернее пустыня, в видимости слабых огней.

Здание аэровокзала было одноэтажным и небольшим, сарай с удобствами в пустыне, можно было и так сказать. Все служащие имели черный как смоль цвет кожи. Побродив по залу ожидания и не найдя ничего интересного, Артем вышел на улицу, насладиться теплом. Большинство народу осталось внутри с кондиционером, другие бесцельно слонялись по залу или сидели в креслах. Время тянулось бесконечно долго, наконец, объявили о посадке.

Взлет был легким. Многие пассажиры, взбодренные посадкой и взлетом, уже не спали до конца пути, а Артем все-таки опять задремал. Когда солнце заиграло в оконце иллюминатора, вдали, казалось, безбрежного океана появилась береговая линия континента Южной Америки. Погода снова была превосходной, облаков было мало и все хорошо и далеко просматривалось. По динамику пилот объявил:

– Сейчас пролетаем над Рио-де-Жанейро.

Внизу, в ослепительно голубой бухте, окруженной горами и скалами, раскинулся знаменитый великолепный город с белой полоской пляжа под названием Копакабана. На горе отчетливо была видна огромная статуя Христа с распростертыми как бы над городом руками. Все пассажиры прильнули к иллюминаторам, обсуждая увиденное, у всех воцарилось курортное настроение. Видно, аура Рио, этого города вечного праздника, передавалась на любом расстоянии. Некоторые даже зацокали языками. Еще целых полчаса многие не могли успокоиться и обсуждали различные темы, связанные с Рио, с Бразилией, отдыхом вообще, и другие.

– В аэропорт Буэнос-Айреса прибудем по расписанию, через три с половиной часа, – ответила стюардесса на вопрос одного из пассажиров.

Артем все время смотрел в иллюминатор как зачарованный. Вот и закончились прибрежные горы, начались бескрайние поля и плантации каких-то растений, реки, озера. Все это была Америка, которой он раньше не видел и о которой не знал в сущности ничего.

– Пересекаем реку Ла-Плата, – сообщил пилот по динамику.

Внизу появилась река, широкая, противоположного ее берега не было видно даже с самолета. Вода была непонятного цветового оттенка, но очень напоминала цвет какао с молоком. Прошло немного времени, и показался другой берег реки, а на нем огромный город, не было видно ни конца, ни края. Самолет уже достаточно снизился, и были видны и различимы уже отдельные здания, проспекты, улицы, стадионы, которых было немало. Чувство немого восторга охватило Артема: «Просто Вавилон какой-то, да что там Вавилон, он, верно, крупнее Москвы, по крайней мере, с первого взгляда». Еще до отъезда Артем прочитал литературу про Аргентину и узнал, что в Буэнос-Айресе и окрестностях проживает 18 миллионов человек или почти 50 % всего населения Аргентины.

Лайнер произвел разворот, готовясь к посадке, и через некоторое время они уже тормозили по взлетно-посадочной полосе.

– Дамы и господа, наш самолет только что произвел посадку в аэропорту Эсейса, г. Буэнос-Айреса, температура за бортом плюс 19 градусов. Экипаж Ил-96 прощается с вами, всего вам самого хорошего, – сообщил пилот.

А в салоне уже царил суматоха и оживление. Доставались пиджаки, кофты, сумки, чемоданы и все стремились к выходу. Пройдя весь длительный этап паспортного контроля и ожидания багажа, Артем вышел, наконец, в зал прилета и внимательно стал всматриваться в таблички, его должны были встречать. Он, как и многие другие, прилетевшие этим рейсом, оформлялись через агентство, оказывающее помощь в иммиграции, в данном случае в Аргентину. Стоило это ему, вместе с консульскими сборами, 2500 долларов, плюс билет 800 долларов в один конец, который ему продали, когда он показал годовую визу. Агентство называлось «Виза-плюс».

Артем поискал глазами табличку и, не найдя ее, стал бродить по зданию аэропорта. Здание как здание, что-то сравнимое с Домодедово. Его больше интересовала атмосфера и обстановка. Он всматривался в аргентинцев, в невысоких, черноволосых и смуглых, вслушивался в их непонятный, крикливый говор со сменной интонацией. Месячные курсы испанского языка, на которые он ходил в Москве, не помогли ему понять, о чем между собой говорят местные. Вернувшись в зал прилета, он увидел, наконец, долгожданную табличку в руках долгового парня в рубашке с короткими рукавами, в джинсах и стоптанных кроссовках. Возле него, как цыплята возле курицы, собрались прилетевшие этим рейсом, их было около двадцати человек. Парень им что-то объяснял. Подойдя ближе, Артем услышал:

– Все дело в том, что самолет, сказали, задерживается на один час, когда я позвонил, вот я и приехал на один час позже. Это только с аэрофлотовскими рейсами бывает, с остальными все нормально. Ладно, давайте все выйдем на улицу, посчитаемся и в отель.

Вышедших на улицу оказалось человек 30–35, почти всех возрастов, с тележками, полными багажа, у одних была даже клетка с канарейкой. Все это напоминало какое-то переселение народов или беженцев, что заставило Артема улыбнуться. Александр – так звали встречающего – зачитывал фамилии по списку, который у него был в руках. Закончив переключку, он добавил, что поздравляет всех с прибытием в солнечную и гостеприимную Аргентину. На лицах присутствовавших читалась усталость и удовлетворение. После этого началась посадка в транспорт до отеля.

В итоге все разместились в одном большом микроавтобусе и четырех легковых автомобилях под названием «Ремиз». Александр объяснил, что «Ремиз» – это фирма, нанимающая частные транспортные средства вместе с водителем для работы по вызовам клиентов, где цены ниже, чем у такси, примерно в два раза. Вот они, микроавтобус «Мерседес» и легковушки: две «Рено-19», одна «Пежо» и одна «Форд». Артем, разглядывая соотечественников, заметил, что все приехали в основном семьями – или, по крайней мере, муж с женой – и только он приехал один.

Артем разместился в «Рено-19», где водителем был толстячок лет сорока с намечающейся лысиной, очень разговорчивый. Перед поездкой он что-то объяснял или доказывал Александру, делая кучу движений руками. В машину вместе с Артемом села супружеская пара в годах, с сыном лет тридцати. Весь багажник машины был забит под завязку и еле закрылся. Они тронулись как небольшой кортеж, последним ехал микроавтобус. Водитель сначала пытался разговаривать со своими пассажирами, видимо, задавая вопросы или что-то рассказывая, но потом оставил попытки, поняв, что они друг друга не понимают. В пути он только изредка показывал на что-то рукой и произносил слова, наверное, названия этих мест.

Артем открыл окно и с огромным интересом осматривал окрестности. Надо сказать, на что первое он обратил внимание, так это небо, ярко-голубое и без единого облачка. Он вспомнил московское – серо-стальное, холодное – и поежился при этом. Очень яркое солнце было в самом зените, растущие пальмы по краям дороги подчеркивали южные широты. Тем временем они миновали платный въезд на автостраду, где дорога расширялась до семи полос в каждую сторону, и оказались на автописте (автострада), которая вела в город.

Водитель был южного темперамента и сразу дал газу. Стрелка спидометра все время держалась в районе 160–180 километров в час, при этом на стыках виадуктов в машине что-то стучало, похожее на амортизатор, так подумал Артем. Вначале были пустые пространства, поросшие кустарником, потом показались первые строения. Сначала одно- и двухэтажные, серого цвета, необычной архитектуры, немного напоминающие строения в курортных местечках Турции. Затем они пропали и за поворотом автострады открылся вид на огромное застроенное поле, не похожее на садовое товарищество где-нибудь на окраине Московской области. Там были не просто домики, а хибары, сложенные из досок и автомобильных покрышек, из всего, что возможно было достать, видимо на свалках. Крышей им где-то служили листы железа, но в большинстве случаев просто полиэтиленовая пленка.

Вдоль дороги в этом месте шел высокий забор, с мощными столбами, из мелкой железной сетки. Водитель что-то сказал, показывая на этот поселок, с позволения сказать, и продолжал говорить, говорить и разбавлял свои слова жестами вроде бросания чего-то. Как позже выяснилось, такие места называют здесь Вийя и огорожены они потому, что местные жители кидают камни в проезжающие мимо автомобили. Эта Вийя продолжалась около трех километров, потом снова начались какие-то пустоши и кустарники, затем появились одно- и двухэтажные строения. Они стояли кучками, по несколько зданий вместе, все были причудливой, иногда непропорциональной формы. По мере продвижения количество зданий и этажей росло.

– Буэнос-Айрес, – сказал водитель, показывая рукой по обе стороны от трассы.

Так они ехали еще минут пятнадцать, может, двадцать. Здания и сооружения росли в размерах. Сначала два, три этажа, затем пять, семь, десять, двадцать. Что было удивительно

и непривычно глазу советского человека, они стояли вплотную один к другому; стена одного здания являлась стеной другого. Постепенно исчез хаотический порядок строений – то там, то здесь – и появилась форма равносторонних кварталов. Водитель свернул с автописты, сделав зигзаг, и они поехали уже значительно медленнее, тормозя каждые сто метров. Таков был размер кварталов, так называемая американская модель городской застройки. Они напоминали лист тетради в клетку, где линии – это улицы, пересечение линий – перекресток. Причем все улицы были односторонними. Для того чтобы двигаться в обратном направлении, нужно было обогнуть квартал и повернуть на соседнюю, параллельную улицу.

Минут через двадцать такой езды, проехав мимо серой громады стадиона, возле которого водитель произнес «Ла-Бока» и «Марадона», показывая туда рукой, они подъехали к отелю. Улица, на которой находился отель, требует особенного описания, как, впрочем, и все улицы в этом районе. Дело в том, что все входные двери во все здания и помещения, все входы с улицы были на высоте не менее полутора метров над уровнем дороги и к ним вели ступеньки типа крыльца, из бетона и камня. Сам асфальт был не плоский или слабовыпуклый, а был положен как бы горбылем, с наивысшей точкой посередине. Когда по такому покрытию ехал транспорт, то он ехал немного наклонно. По краям дороги были большие сливные колодцы.

Услужливо выставив весь багаж на тротуар, водитель энергично помахал рукой и уехал, сказав чао. Денег он не просил, видно, Александр ему заплатил вперед. Артём прочитал адрес: улица 20 сентября 332. Все приехавшие оказались перед домом темно-коричневого цвета, высотой в несколько этажей, узким, как и соседние строения. Коричневым дом, скорее всего, был не из-за покраски, а этот цвет он приобрел от времени и, возможно, сырости. На крыльце стояла в джинсах и майке девушка лет двадцати пяти. Она натужно улыбнулась и представилась:

– Меня зовут Лена, я жена Александра, поднимайтесь сюда.

Поднявшись по ступенькам, все четверо вошли в отель, через высокую, стеклянную дверь. После, пройдя по узкой крутой лестнице на второй этаж, оказались в холле, где стояли пару кресел и диван. Холл был очень маленький, не больше 10 квадратных метров. Они расположились и начали обсуждать отель. Он действительно был необычным для русского человека.

По левую сторону возвышалась стена из кирпича, покрашенного бежевой краской, как уже было сказано ранее; она, видимо, являлась стеной следующего строения. Прямо посередине был внутренний двор, вымощенный тротуарной плиткой, по правой стороне располагались двери и балконы, выходящие к нему. Двери были огромные, высотой, быть может, три или четыре метра. Количество дверей, доступных глазу, было около десяти. Это были номера жильцов.

Навесом над дверями служил балкон второго этажа, который располагался по такой же схеме, за ним был третий этаж, а за ним четвертый. Все это было похоже на многопалубный корабль. А над внутренним двором отеля крыши не было и просматривалось небо, как из колодца. Слева внизу стены был сделан сток для воды, наподобие тех, что они уже видели на улице, видимо на случай дождя. Во дворе сновали люди, висело и сохло на веревках белье, была слышна речь на русском языке. В воздухе витал аромат жареной картошки с луком. В этот момент вошла Лена, она принесла ключи и обратилась к спутникам Артема:

– Вам я даю 11-й номер. Это на первом этаже, вот эта дверь. – Она указала на дверь в углу дворика, ближайшую к ним.

– А тебе, Артем, 37-й номер. Это на четвертом этаже, крайний справа, у нас только этот номер на одного.

– Ну что же, придется тащить мою сумочку на четвертый этаж, – Артем похлопал, смеясь, свою здоровенную спортивную сумку, килограмм на тридцать, лежащую рядом, – ну да ладно, нет проблем.

После его спутники и он расстались, и каждый двинулся в свою комнату. Артем поднялся по крутым ступенькам, пройдя по узкому балкону, достиг желаемого номера. Это был последний этаж и последний номер. С него открывался вид на район и его окрестности, благо соседние постройки не были многоэтажными, за исключением одного пятнадцатизэтажного дома, наискосок через улицу. Он открыл железную дверь со стеклянными витражами из непрозрачного стекла и вошел.

Помещение было примерно два с половиной на три с половиной метра и высотой в два с половиной. В нем находились: встроенный шкаф, стол, стул, кровать, на потолке висел вентилятор-лампа, рядом с дверью была маленькая батарея из трех секций, и под потолком было маленькое окошечко, все другие удобства были общего пользования. Поставив тяжелую сумку в угол, сняв туфли, он прямо в одежде бухнулся на кровать и вскоре уснул. Артем утомился после перелета, сказывалась разница в часовых поясах, слишком много волнений и эмоций. Проснувшись, он долго лежал, смотря в потолок, и размышлял. Ни размеры комнаты, ни отсутствие удобств в номере его не удручали.

«Да, хибара еще та. И сам отель, и этот номер. Но это ничего, постепенно будем подниматься и улучшать жизненные условия. Самое главное выполнено – я здесь. А все со временем наладится», – думал он.

Артем встал и вышел на балкон. Уже вечерело. Лишь крыши домов ловили последние лучи заходящего солнца, а в глубинах улиц уже было темно. Он прислушался. Откуда-то снизу доносились приглушенные голоса, по шоссе, проходящему неподалеку, шуршали шинами проносящиеся автомобили. В глубине этого – или другого – квартала играла латинская музыка, в здании напротив, на балконе двое аргентинцев вели не спеша беседу и курили.

«Артем, – сказал он сам про себя, – вот оно свершилось все-таки! Не знаю, что и как будет потом, но в данный момент я, наверное, счастлив».

Его охватило какое-то странное ощущение. То, о чем он так долго мечтал в далеком детстве и представлял себе много раз в различных вариациях, то, что казалось таким сказочным, невероятным, далеким, нереальным, было рядом, вокруг, совсем буднично, без всяких прикрас. Он не мечтал именно об Аргентине – он просто мечтал о жизни за границей, неважно где. Вообще ему с детства нравилась Франция, и он знал ее историю чуть ли не лучше, чем историю России. Для этого он изучил французский язык, но во Францию попасть было трудно, и ему подвернулась возможность уехать в Аргентину.

Некоторое время он стоял ни о чем не думая, вдыхая полной грудью этот воздух, прохладный и немного влажный, как будто бы пил его и наслаждался им.

В этот момент на лестнице послышались шаги, и через некоторое время показалась фигура Александра.

– О, как хорошо, что ты уже встал, я не хотел тебя будить. Ну как, выспался? – сказал он, подходя.

– Да, но впереди еще вся ночь для отдыха.

– Я пришел рассказать план наших действий на завтра, ну и за встречу тоже получить. Тебе «Виза-плюс» говорила сумму?

– Да-да, конечно. – Артем вынул из кармана сто баксов и отдал их Александру. Расписки о получении, по старой русской привычке, он не попросил.

– Отлично, – промычал Александр, пряча купюру во внешний карман рубашки, и продолжил: – Значит, слушай, завтра в десять утра собираемся и идем все вместе в полицию становиться на учет. Затем с полученной справкой уже идем в Регистро Цивиль, чтобы начать процедуру по оформлению местного документа, он называется ДНИ, что означает «документ национальной идентификации». В общем, завтра в 10.00 будь готов, возьми все документы с собой и денег, баксов 50–70, должно хватить.

Потом Александр добавил:

– Основную группу я разместил в отеле рядом с Регистро Цивиль, а ты будешь со мной, так сказать, под крылом. Давай отдыхай, если что, я живу внизу, в первой комнате, жену мою ты уже видел. Да, чуть не забыл. Вот, держи ключ от входной двери. Ну, пока!

Он удалился, громко чавкая шлепанцами. А Артем в этот момент подумал о том, что Александр, скорее всего, не москвич и даже не из московской области, судя по выговору. Он посмотрел на ключ, который ему дали: тот был затасканный, даже зашлифованный, особенно в том месте, где за него брались пальцами, видимо от долгого или интенсивного использования. Ему захотелось выйти на улицу, прогуляться. Закрыв дверь, он быстро спустился вниз и оказался на крыльце, там он столкнулся с женой Александра, которая протирала тряпкой пол.

– Решил прогуляться? – спросила она.

– Да хочу зайти в магазин продуктов и вообще по району пройтись. Как-никак еще моя нога не ступала по городу.

– Смотри, там, в полуквартале, есть супермаркет. «Тошнотик» мы его называем, но все самое необходимое есть.

– Почему «тошнотик»? Какое-то нехорошее название для магазина продуктов, – поморщился Артем.

– Там скудный выбор и все залежалое, особенно фрукты и овощи. Их так же, как и хлеб, надо покупать в магазинах, которые рядом. Там дороже ненамного, но, несомненно, свежее и лучше. Хороший супермаркет «КОТО», но он находится в одном километре отсюда, вон в той стороне, за парком, Лесама называется, – при этом Лена махнула рукой в нужном направлении.

– Да я тут недалеко пройду. Спасибо за информацию, Лена.

– Ты деньги-то поменял?

– Поменял немного в аэропорту.

– Тут и доллары принимают, так что ничего страшного, ведь курс один к одному, правда, не везде. Ну ладно, если что понадобится, заходи.

– Да, конечно, разумеется, спасибо. Ладно, пойду.

Навязчивость, с которой Александр и его жена предлагали свои услуги, начала напрягать Артема. Он всегда был достаточно самостоятелен везде.

На улице уже зажигались фонари, поэтому Артем не стал долго бродить по району, а сразу направился к перекрестку, за которым блестели витрины магазинчиков и виднелась большая яркая вывеска: «Супермеркадо», что и означало «супермаркет». Супермаркетов в то время в России – даже в Москве – еще не было, это было в диковинку. Хотя Артем побывал в Чехии, Франции, Турции, и для него было привычно.

Супермаркет действительно был сельского типа, но то, о чем говорила Лена, жена Александра, было правдой: все необходимое там присутствовало. Артем решил купить по случаю приезда бутылку красного сухого вина – водку он не пил в принципе – и батончик сырокопченой колбаски. Затем, выйдя из супермаркета, во фруктовой лавке – тут же, рядом с выходом – он купил килограмм великолепных персиков и корзиночку клубники. С этим набором он и вернулся в номер. Там он наконец переоделся, разобрал, разложил вещи и сел за стол отмечать свое прибытие в Аргентину. Через час-полтора, выпив бутылку вина и съев почти все, что купил, кроме колбасы, он пошел, постоял на балконе, а после лег на кровать и заснул счастливым сном младенца.

Из-за разницы во времени Артем проснулся довольно рано. Полежал какое-то время с открытыми глазами, глянул на часы, которые он еще не перевел на местное: они показывали 11 часов в Москве, или 5 утра в Буэнос-Айресе. В маленькое окошечко под потолком еще не проник свет, значит, на улице было темно, а в отеле царил полная тишина.

– Как тут тихо. Наверное, все еще спят. И я полежу еще, торопиться некуда, – подумал он вслух.

Вдруг его внимание привлек какой-то шум. Артем прислушался: шум – или шорох – доносился из верхней полки встроенного шкафа, которая была пустая, так как он туда ничего не клал.

«Интересно, что бы это могло быть. Про южноамериканскую живность мне ничего неизвестно», – подумал он.

Звуки были странные, ни на что не похожие. Сначала будто что-то бежало, явственно слышался топот чьих-то лап, затем этот кто-то срывался и падал вниз, бум!

«Может быть, это мышь? Но зачем мыши так часто и быстро бегать, а главное, падать? Да и мышь тише бежит... Это что-то другое», – продолжил анализировать шум Артем.

Но ничего другое на ум не приходило. Так он лежал и гадал в течение десяти минут, затем, после очередного звонкого «бум», он встал с кровати, включил свет, подставил стул к шкафу и на всякий случай взял в руку увесистый кроссовок. Далее очень тихо и осторожно, держа лицо подальше, открыл одну дверцу верхней полки шкафа. Ничего не было видно, антресоль будто была пуста. Может, шум был не отсюда... Он открыл вторую дверцу тоже. Вдруг сверху что-то сорвалось, бухнулось вниз, на поверхность антресоли, и стремительно побежало в сторону открытой дверцы и света, прямо в направлении его лица. Это что-то не было мышью.

«Скорпион», – как молния, пронеслось в голове, а еще быстрее сработал защитный рефлекс и пара мощных, почти мгновенных ударов кроссовком заставило существо отскочить вглубь. Оно там затаилось. Это дало возможность разглядеть его.

Это насекомое, темно-коричневого цвета, размером более десяти сантиметров в длину и около двух в ширину, было гигантским тараканом, с огромными крыльями, которые свисали с его тела. «Ё-моё, ну и чудище, никогда такого не видел, не кусается ли он?» – и мурашки неприятно пробежали по спине Артема.

Насекомое сидело в углу, и достать его там было сложно, размахнуться было негде, очередной удар кроссовком не получился. Таракан опять быстро побежал к дверце и, достигнув края, оттолкнулся, расправив крылья, как воробей, спланировал прямо на плечо. Ужас охватил Артема – он бросил кроссовок, быстрыми движениями стряхнул насекомое. Таракан спланировал ниже, в основной шкаф, и исчез между висевшими там вещами, видно, всерьез намереваясь избежать приготовленной для него участи.

– Ах ты мразь, – уже в каком-то боевом азарте произнес Артем и стал перетряхивать одежду, висевшую там.

Вдруг с плаща искомое насекомое выскочило и быстро поползло по дверному косяку. Упавший кроссовок валялся далеко, рядом под рукой на столе оказалась пустая кастрюля от вчерашнего ужина. Один мощнейший удар завершил дело, кастрюля при этом получила небольшую вмятину. Таракан был размазан по косяку и разлетелся в разные стороны. Артему еще пришлось повозиться некоторое время, собирая и убирая то, что осталось от насекомого. После этого о спокойном отдыхе не могло быть и речи. Он пересмотрел и перевернул все вещи, осмотрел все щели и углы, проверяя, нет ли еще какого-нибудь сюрприза. И только убедившись, что кроме него в комнате больше никого нет, вышел на балкон, размышляя об аргентинской фауне.

Уже светало. Солнце появлялось из-за небольших облаков, но весь купол неба был кристально чист, ни единого облачка. Было свежо и даже прохладно. Постояв немного, он пошел принять душ, в маленькую комнатку метр на метр, в которой было на редкость чисто. После в халате залег в кровать и пролежал там до 9.30, думая об утреннем сюрпризе. А в 10.00 он уже стоял в холле отеля, где толпились вчерашние приезжие, их всего – вместе с Артемом – было шесть человек. Кроме семьи с взрослым сыном, была еще пожилая супружеская пара лет пятидесяти пяти. Они были хорошо одеты и аккуратно причесаны, как на праздник.

«Внешний вид и манера соответствующе одеваться – вот что всегда выдает русского, советского человека за границу, в отличие от одетых в неброское, можно сказать неопрятное, иностранцев. Точнее, теперь уже не иностранцев, а местных жителей», – так подумал Артем.

Александр пришел вовремя, затем все вместе пошли пешком. По дороге они зашли в другой отель, где разместились остальная группа «переселенцев». Планировалось забрать последних и уже после совместно идти в полицию, как и было сказано. Пока стояли и ждали, когда они выйдут, обсуждали два отеля, чей все-таки лучше. Оказалось у них, наверное, по принципу на соседском участке трава всегда зеленее. Артем большой разницы не обнаружил, только что у них отель ближе к центру на один километр.

После чего, они большой толпой – или, лучше сказать, делегацией – двинулись дальше, вызывая улыбки жителей района. На удивление, в полиции их очень быстро приняли, даже любезно. Пока они сидели и ждали, им подготовили справки с указанием домашнего адреса, в данном случае отеля, где они проживали. Полицейские сотрудники весело болтали, улыбались и смеялись, когда ничего не понимавшие русские на них смотрели. В общем, отношение было доброжелательным, совсем не бюрократическим и уж тем более не предвзятым, что выглядело разительным контрастом с Россией. Александр уже в дороге, пока они шли из полиции в Регистро Цивиль, объяснил, что справки обычно приносят в отель по указанному адресу на следующий день, заодно проверяют наличие жилья, но так как его, Александра, знали уже давно, то им всем выдали справки в тот же день.

Регистро Цивиль – или правильнее сказать Регистро де лас Персонас – занимало двухэтажное здание под автопистой, которая вела в аэропорт. Еще издалека они увидели огромную очередь, которая кольцами стояла вокруг фонтана, находящегося неподалеку от входа, затем плавно втекала в ворота из железной кованой решетки и исчезала в стеклянных дверях, возле которых стояло несколько сотрудников охраны. Очередь была весьма разнородная: здесь были русские, украинцы, китайцы, перуанцы, боливийцы, негры и арабы. Александр сказал, что всем нужно оторвать номерок из устройства возле ворот и по нему будут впускать, чтобы не создавать внутри толчеи. У Артема оказался номерок с цифрой 377.

– Слушай, – обратился он к Александру, – а ты уверен, что сегодня пройдем? Может, на завтра перенесем?

– Да все в порядке, здесь быстро проходят, к обеду управимся. Там много служащих принимает, – ответил Александр.

Стоявшие в очереди вместе с Артемом обсуждали в основном уровень и качество отелей, где их разместили. Все абсолютно были едины в том, что такого не ожидали ни по качеству, ни по характеру строений.

– Послушайте, но это же просто ужас! Как они только так живут, это немыслимые условия для проживания, – возмущалась дама лет пятидесяти со второго отеля.

– А что вы хотели? Это же не стандартные отели, а отели фамилляр, типа пансионатов эконома класса, – отвечала девушка из очереди.

– Нужно срочно куда-то перебираться, квартиру снимать, – говорил мужчина в костюме.

– Размечтались. Для того чтобы квартиру снять, два гаранта минимум нужны, – ответила полная женщина не из их группы.

– Какие гаранты, что это такое?

– Это те люди, которые могут за вас поручиться, что вы будете исправно платить. Они должны быть местные, и у них должен быть стабильный доход и имущество, в общем, уважаемые люди, – отвечала им все та же женщина.

– Да, это что-то новенькое, где же таких найти?

Также народ обсуждал и время получения местного ДНИ. Кто называл месяц, кто два, а кто и все три. Говорили, что, пока документа нет, работать нельзя и что как раз есть время, чтобы подучить язык и привыкнуть к местному колориту. Затрагивали также различные вари-

анты устройства на работу, через агентства, знакомых, в основном официантами, рабочими, уборщиками. По поводу устройства на более серьезную работу говорили все те же люди из очереди, которые здесь находились уже больше года и продлевали сейчас свой ДНИ на второй год:

– Нужно подтверждать ваш диплом, господа, врача или инженера. А чтобы его подтвердить, сначала нужен диплом об окончании средней школы и, конечно, хорошее знание языка, – говорил дяденька с лысиной и в очках, небольшого росточка.

Вся эта информация впитывалась мгновенно, запоминалась, откладывалась в голове и записывалась в записные книжки вместе с контактами, если такие предоставлялись. Оказалось, что на гражданство можно было подать через два года, а не через три, как им говорили ранее. Через некоторое время Артем почувствовал, что голова начинает болеть от всего этого.

«Куча информации, абсолютно непонятно, насколько она близка к действительности. Даже если часть из всего услышанного правда, то это, конечно, все очень интересно, но, однако, совсем не просто. Выходит, на работу устроиться можно сразу после получения ДНИ, но на хорошую не получится, потому что требуется много документов, которые просто так не получить. Это трудно, что неудивительно. Впрочем, все как и везде», – подумал он.

Будучи по натуре волком-одиночкой, он активного участия в разговорах не принимал. Где-то поддакивал, где-то кивал или многозначительно хмыкал, но не высказывался по поводу того или другого. Ему казалось, он знал, зачем приехал, как будет дальше действовать и верил в свои силы. Он уже заранее составил примерный план, и его нужно было только скорректировать согласно обстоятельствам. Может, он был немного самонадеянным, но с улыбкой смотрел на то, как вновь приезжие облепляли стайками какого-нибудь «знающего», с целью получить что-то важное. Он рассуждал так: «Если тот, кто что-нибудь и знает действительно стоящее, то никогда не скажет, если он умный. А то, что говорилось на всеобщее слушанье, означало, что ничего реально нужного и полезного окружающие не получают, разве что только сплетни, домыслы или слухи».

Очередь действительно продвигалась быстро. Через стеклянную дверь по лестнице на второй этаж Артем попал в большой зал, где служащий, посмотрев его номер, показал ему на кассу, сказав при этом: «Каха». В кассе взяли тридцать баксов и жестом показали, куда пройти, чтобы сделать фотографию.

Комнатка для фотографий была малюсенькая, впрочем, какой ей и положено быть; она была просто отделена от общего зала тремя небольшими ширмами. Фотограф – истинный коренной житель Америки с грубыми чертами лица, как будто сошедший с картины «Сюжет из жизни ацтеков» – молча указал, куда сесть и куда смотреть, щелкнул снимок и через три минуты отдал Артему готовые фотографии. Такую же процедуру проделали все остальные. А после сдачи фотографий все расселись в общем зале и ждали, когда назовут их фамилию.

Через некоторое время одна из десяти девушек-служащих, сидящих за столами, произнесла фамилию Артема как Ре-па-кин. «Как китайца», – подумал он и подошел к ней. Та приветливо улыбнулась и спросила:

– Тебя зовут Артэм?

– Да, – ответил он.

– Русский из Москвы, ты приехал вчера?

– Да.

– Тебе нравится Аргентина? – она опять улыбнулась. Можно сказать, что она и не переставала улыбаться, и, похоже, это было искренне, а может, чисто профессионально.

– Пока не разобрался, – ответил он по-русски и пожал плечами.

Это вызвало веселый смех девушки и ее соседок за ближайшими столами.

– Вот, возьми документ, распишись здесь и иди вон туда. – Она указала пальчиком в направлении стойки.

Артем взял в руки небольшую книжицу, размером что-то типа пропуска в библиотеку, в полутвердой обложке, темно-бардового цвета и направился к стойке. Там находился служащий лет сорока пяти. С серьезным лицом он взял его за правое запястье, промокнул валиком с чернилами пальцы и затем поочередно отпечатал на листе бумаги. После дал Артему салфетки и по-русски сказал спасибо, получилось что-то вроде «эспасибо». За очередным по счету столом ему пришлось еще раз расписаться, там же сказали прийти за готовым документом 10 января.

Счастливый и довольный, он вышел из Регистро Цивиль, очереди уже не было, все прошли. Ему не терпелось пройтись, прогуляться по городу. Он заранее спросил Александра, как называется район и улица, где находился их отель, и не боялся потеряться. Он решил пройтись по пешеходной улице, которая называлась Флорида, а сама пешеходная зона – Пеатональ. Артем намеревался заодно купить карту города и страны, а также что-нибудь перекусить; он уже чувствовал в этом острую потребность. Это был его первый день пребывания в Буэнос-Айресе, и он с интересом смотрел по сторонам.

«Если сравнивать с Европой, то точно не с передовыми странами», – думал он, глядя на где-то неровно положенный асфальт или на выбитую кое-где тротуарную плитку. Чем-то это напоминало Италию, на окраине какого-нибудь провинциального города. Очень непривычен был характер застройки: кварталы и улицы, улицы и кварталы, ни одного двора или подворотни, столь привычных глазу. Дома стояли вплотную и если и имели двор, то только внутри собственного строения, с улицы невидимого. Цвет домов тоже различался: розовые и зеленые, фиолетовые и красные, желтые и голубые, но больше серые или коричневые. На углах кварталов, на пересечении улиц стояли кучками черные полиэтиленовые пакеты с мусором: баков у них для этой цели не было предусмотрено.

По улице не спеша редкие прохожие шли по своим делам. Коммерции имели какие-то странные и непонятные названия типа «Автосервисио» или «Гомерия». Первый не был автосервисом, а второй был непонятно чем. Через некоторое время он понял, что это шиномонтаж. Все они были и по правой, и по левой стороне. Улица, по которой он шел, была прямая, шириной примерно метров десять, может двенадцать, и имела застройку домами в 5, 7, 10 этажей. Посмотрев вверх, можно было увидеть небо, узкой голубой полоской. Через стеклянную витрину одной из коммерций он увидел, как раскатывают тесто и, подняв голову вверх, прочитал название: «Пиццерио».

«Отлично, вот здесь я и покушаю», – подумал он и зашел внутрь.

В пиццерию было малоллюдно, служащий за прилавком в белом поварском пиджаке, с какой-то надписью на нем, приветливо улыбнулся и спросил, что клиент желает.

Артем объяснил, насколько мог позволить его испанский, помогая себе жестами, что хочет две порции пиццы, и сел ждать за столик. Ему очень понравилось, что пиццу готовят при нем, на большом мраморном столе. Служащий «Пиццерио» – их там было двое – раскатал тесто, намазал на получившийся блин томатную пасту, сверху положил сыр и специи, после чего поставил в печь с помощью большой, плоской, деревянной лопаты. Может быть, и не печь, а большой духовой шкаф с тремя дверцами. Минут через двадцать он уже выходил из пиццерию сытый и довольный; пицца оказалась наисвежайшей и очень вкусной; в России он такой не ел. Пройдя еще немного по улице вперед, он вышел на пересечение с большим проспектом (как здесь называлось, авенида) и первое, что бросилось в глаза, – огромное количество такси черно-желтого цвета. Такси не спеша – может быть, 30 км/час – ехали по авениде в обоих направлениях. Стоило клиенту поднять руку, как он уже через несколько секунд оказывался в машине.

Артем потоптался возле газетного киоска, попросил продавца дать ему газету с объявлениями по работе и съему жилья, а также карту города и страны. Для этого ему потребовалось сказать всего несколько слов по-испански. Он их подготовил заранее, и ему дали то, что он хотел. Сразу же за авенидой начиналась пешеходная улица Пеатональ. Она напоминала Старый

Арбат в Москве, только здания на ней были не старинные, а современные и многоэтажные. Некоторые были настоящими небоскребами, а все первые этажи были заняты коммерциями и галереями.

Продавцы-лоточники, такие привычные в России, отсутствовали, а единственные, кто торговали на улице, это негры с зонтиками, на которые была нанизана бижутерия. Также из бродячих продавцов были люди со странными высокими тележками, где на уровне груди стояла целая куча термосов. Они медленно брели вдоль торговых коммерций, их иногда окликали, и те что-то разливали из термосов в стаканчики.

Постояв возле витрины оружейного магазина, Артем в числе многочисленных видов оружия заметил знакомый калаш, причем довольно дорогой по сравнению с другим оружием. «Неужели все это в свободной продаже? или это макеты? Наверное, все-таки это настоящий оружейный магазин», – подумалось ему. Само оружие выглядело довольно правдоподобно, и покупатели, которые что-то смотрели – это было видно сквозь стеклянную витрину, – передергивали затвор и осматривали стволы. Внутри Артем заходить не стал, обошелся внешним осмотром оружейной лавки. Все это было непривычно для него. В галерее подарков и сувениров его внимание привлекла карта Аргентины на огромном куске толстой кожи, со всеми городами и провинциями, выполненная методом тиснения; все это было раскрашено. Он шел по Пеатонале уже целый час, а конца и не видно было. Сама улица и коммерции на ней уходили вдаль.

«Наверное, на сегодня хватит, пора закругляться. Остальное посмотрим в другой день», – решил он. Обрато он возвращался тем же путем, поэтому это не вызвало проблем с ориентирами в незнакомом городе. Когда он был уже в районе Ла-Бока, где находился его отель, вспомнил, что тут должен быть недалеко хороший супермаркет «КОТО», за парком Лесама.

Парк располагался на горке, был небольшой и квадратный, занимал два квартала, а значит, имел около двухсот метров в длину и ширину, очень красивый и аккуратный. На углу парка, при самом входе, виднелся памятник основателю Буэнос-Айреса сеньору Мендосе, а в центре парка выделялось дерево с огромными корнями, часть которых росла по поверхности, а крона была такая огромная, что издалека казалось, что это целый перелесок.

По левой стороне парка Артем заметил православную церковь. Она экзотически смотрелась в непривычной архитектуре вокруг, ее золотые купола поблескивали на ярком солнце. Церковь была действующая, и двери были открыты. Заходить внутрь он не стал, а только любовался самим строением и прочитал табличку, в которой указывалось, что сия церковь была построена на средства великой княгини в 1898 году. С другой стороны парка располагался музей истории Аргентины, в который Артем пообещал себе обязательно зайти, в другой раз.

Супермаркет находился в ста метрах, сразу за парком, и назывался действительно «КОТО». Он был небольшой и полон народу. Все ходили не спеша по залу, набирая товары в тележки. Артем решил немного пообжиться и поэтому купил себе сковородку и небольшую кастрюльку, так как собирался сам готовить еду. Накупив разных продуктов, он перешел к мясному прилавку: его привлекло изобилие, цвет и выбор предлагаемой продукции. Он заранее прочитал, что Аргентина славится мясной промышленностью и поставляет мясо по всему миру, но и представления не имел, что настолько. Огромной длины прилавков – метров двадцать – был забит разнообразным мясом и, главное, недорогим: от 1 доллара за килограмм и 5 долларов отборное.

Выбрав себе понравившийся кусочек и докупив растительного масла и вина, наш герой вышел на улицу, потратив всего 20 баксов. Тащить шесть тяжелых и полных пакетов пришлось целый километр; жена Александра сказала правду. Подходя к отелю, он решил, что часто на такие походы рассчитывать не нужно. Взобравшись по ступенькам, он поставил сумки и, переводя дух, искал ключ в кармане, тем временем впервые прочитал название отеля. На табличке,

покрытой толстым стеклом, было написано: «Отель „Кристина“, фамильяр», что означало в переводе «семейный».

Большую часть продуктов он поставил в общий холодильник на третьем этаже, который был забит битком. Артему пришлось постараться, чтобы все расставить и уместить. Съев пару сочных персиков, он решил обновить купленную сковородку и опробовать кухню, которая была на четвертом этаже, практически его отдельная, так как жильцов днем не было видно. Артем хоть и окончил техникум общественного питания в Москве, но готовить хорошо не умел – готовил, в основном полагаясь на интуицию. В этом не было ничего удивительного, так как он учился в техникуме на холодильном отделении и в механизмах разобрался лучше.

Решив приготовить мясо с овощами, он налил в сковороду немного воды, порезал туда помидоры, лук и чеснок, положил сверху плоский кусочек мяса и посолил. Когда выкипит вода, он собирался добавить оливкового масла и затем слегка обжарить само мясо. Именно так он и сделал и через полчаса уже сидел у себя, в своей комнатенке, наполненной ароматом свежеприготовленной еды, и ужинал. Мясо – а это говядина – действительно было нежнейшим, сочным, мягким и вкусным. Оно таяло само во рту. Он впервые в жизни такое попробовал. Все остальное, включая вино, было соответствующим.

После ужина Артем стал изучать карту Буэнос-Айреса и Аргентины. Город находился точно на 34-й параллели, что соответствовало положению Дамаска в Сирии, например, если сравнивать с Северным полушарием. Это говорило о весьма теплом климате. Располагался он в дельте реки Ла-Плата, больше похожей на океанский залив в месте впадения в Атлантический океан, так как ее ширина была около ста километров. Город состоял, собственно, из центральной части, по размерам сопоставим с Москвой, в пределах садового кольца, и назывался Капиталь Федераль. Остальная часть города, которая располагалась вокруг, называлась Гранд Буэнос-Айрес и была больше центральной во много раз.

Нумерация домов начиналась от центра Капиталь Федераль, от самой набережной, и заканчивалась на окраинах под номерами 10500 или 15900 и так далее. Было очень много стадионов и парков, недалеко от отеля находился железнодорожный вокзал «Конститусьон». Всего Артем насчитал три вокзала, а также один аэропорт в черте города Капиталь Федераль. Он располагался прямо возле набережной и назывался Хорхе Ньюбери.

В ходе изучения карты Артем решил, что он поочередно будет изучать каждый район, не спеша, пока ждет ДНИ, а все остальное время посвятит изучению испанского языка. Затем он занялся просмотром купленной газеты, чтобы найти объявления о работе и аренде жилья, а также узнать уровень оплаты труда. Слабое знание языка его не смущало. Он знал, как пишутся и произносятся эти слова.

После часового просмотра газеты он понял, что сдается полно жилья в отелях типа фамильяр от 120 долларов в месяц на одного человека, а работа оплачивается так: низкоквалифицированная от 300 долларов в месяц, а специалисты – от 800 долларов. За отдельную простенькую однокомнатную квартиру, расположенную не в центральной части, нужно было платить в месяц от 250 долларов, а хорошая однокомнатная квартира в центре стоила в разы дороже. В конце концов он устал от этого занятия. «Пора закругляться, уже глаза слипаются», – подумал Артем, отложил газету и вышел на балкон.

Уже стемнело. Было около 23.00 по местному времени, и дул теплый весенний ветерок. Постояв немного, он пошел принять душ, а после водной процедуры лег спать и тотчас уснул, так как устал за прошедший день, а на завтра у него были намечены планы.

Глава V

Детство Артема. Часть вторая

За окном падал большими, крупными и пушистыми хлопьями снег. Урок русского языка в 6-м «А» классе тянулся мучительно долго, учительница рассказывала какие-то правила. Артем иногда что-то записывал к себе в тетрадь, а так в основном слушал и, наконец, не выдержав, предложил Кольке-соседу:

– Колян, давай «таки» считать? Чувствую, сегодня рекорд будет, еще 20 минут до конца урока.

Учительница русского языка и литературы Тамара Николаевна была полная женщина, невысокого роста, лет пятидесяти. Она очень любила повторять после каждого предложения или фразы слово «так», особенно это было заметно и часто, когда кто-нибудь из учеников отвечал у доски. Артем это давно заметил и иногда считал про себя, и получалось временами до 70–80 раз за урок. Это совсем не означало, что Артем недолюбливал учительницу или насмеялся над ней – он просто всегда обращал внимание на нечто необычное, нехарактерное, такое ему сразу же бросалось в глаза или резало слух.

– Давай, – хихикнул Колька. Как раз в тот момент Тамара Николаевна сказала «так» два раза подряд. При количестве 25 «таков» у них вспыхнул спор.

– Я тебе говорю, 27 было, – настаивал Артем, который очень чутко следил за каждым словом, – ты писал в то время, когда она говорила.

– Да ничего я не писал, 25, тебе говорю.

– Репкин, Федосов! Так, в чем дело? – громко спросила Тамара Николаевна.

Спор резко прекратился, и оба ученика сделали лица сосредоточенными и внимательно слушающими урок.

– Так, почему разговариваем на уроке? – продолжила Тамара Николаевна.

– Я у Коли ручку попросил, моя не пишет, – ответил Артем.

– Сейчас пишет?

– Да.

– Так, продолжаем урок, – сказала Тамара Николаевна.

– Вот тебе еще три, – шепотом сказал Артем, но Федосов был уже серьезен и не играл больше, на том считалочка прекратилась. Но Артем еще какое-то время продолжал считать один.

В этот момент дверь учебного класса отворилась и вошла завуч Евгения Васильевна – небольшого роста, полная женщина, – а с ней вместе девочка.

– Здравствуйте, ребята, садитесь, – ответила она на приветствие учеников. – Я займу у вас три минутки, – обратилась она к Тамаре Николаевне, последняя кивнула головой в знак согласия и понимания. – Ребята, я хочу вам представить новую ученицу, ее зовут Дана Богданова. Она из Болгарии, ее родители приехали к нам в Союз работать, и она будет учиться у вас в классе до конца учебного года. Дана понимает и говорит по-русски, но немного, надеюсь, вы ей поможете в освоении русского языка. Все, Тамара Николаевна, я закончила, можете продолжать урок. А вы, ребята, не обижайте новенькую, – добавила строго завуч, после чего не спеша, величественно удалилась.

В классе воцарилась полная тишина, только на задней парте кто-то цокнул языком. Все внимательно смотрели на новенькую. Девочка была их возраста, среднего роста, с правильными, чуть крупноватыми чертами лица, с черными, пышными, вьющимися до плеч волосами и большими карими глазами. Одета она была, в отличие от ребят в классе, не в форму – на ней было светло серое платье, ослепительно белые гольфы, бирюзового цвета водолазка и вязаная

кофточка под цвет платья. Она смотрелась очень контрастно на фоне всех, как белая птица в смешанной, черно-серой или темно-синей стае.

– Проходи, пожалуйста, Дана, садись, – сказала Тамара Николаевна и обратилась к классу: – Где есть свободное место, ребята?

– У меня свободное место, – вызвалась Лена Сорокина, с готовностью убирая со стула портфель.

Артем, не отрываясь, смотрел на новую ученицу. Она казалась ему необычной, уникальной и непохожей на остальных, даже смотрела она как-то по-особенному, ее взгляд был более открытым и мягким, что ли. С первого мгновения его почему-то потянуло к ней. Конечно, она была первая иностранка, которую он видел в своей жизни так близко, но дело было не только в этом. Ему захотелось пообщаться с ней, дотронуться до нее. Объяснить себе он это не мог. Девочка была милая и приветливая. Она успела всем, кто сидел рядом, улыбнуться и произнесла пару слов с небольшим акцентом.

Она сидела недалеко от Артема, всего через две парты, и он время от времени посматривал на нее со странным и непонятым чувством. Он больше не играл, не считал «таки», но и не был занят уроком. Дана ему понравилась. Чем? Он ответить на этот вопрос себе не мог. Он только почувствовал, что внутри него появилось такое волнительное, новое ощущение.

Как уже упоминалось ранее, у Артема в силу характера сложились непростые отношения с противоположным полом, и теперь он сидел, задумчиво поглядывая на Дану, и не знал, что ему делать, даже готов был расплакаться от бессилия, найти какой-то ответ или решение. Ему впервые самому захотелось подойти к девочке, поговорить, познакомиться, но как? Когда он представил себе, что все будут смотреть, шушукаться, пойдут разговоры типа «посмотрите-ка, наш драчун втюрился», косые взгляды, насмешки... нет, это невысказано, неприемлемо. О том, чтобы задирать, толкать ее, даже не было и речи.

До конца урока Артем думал только об этом. Когда прозвенел звонок, выведший его из тяжких раздумий, он против обыкновения стремглав лететь к выходу некоторое время сидел неподвижно и затем стал не спеша собирать свой портфель, уже, когда класс заметно опустел. Только возле стола новенькой собралась группа из семи – восьми девочек, которые засыпали ее вопросами. Дана отвечала как могла и спрашивала их тоже со своей стороны.

Вопросы были простые, типа большая ли семья, давно ли она здесь, далеко ли живет, давно ли в Союзе, есть ли отличие в учебе у них и у нас. О том, чтобы сейчас Артему присоединиться к разговору, не могло быть и речи. Он встал и молча вышел в холл, смотря на Дану и думая обо всем этом. На перемене он был неразговорчив, задумчив и грустен. Даже когда ребята, Савощук и Шкундяев, предложили присоединиться к игре в фантики от жвачек, он отказался, хотя всегда с огромным удовольствием играл в нее, так же, как и в пробки.

Фантики, как и сами жевательные резинки, были редкостью и доставлялись в основном приезжающими из-за границы. В СССР жвачки не было. Сами фантики были очень разнообразными и имели разную стоимость по редкости. В эту игру обычно играли на ступеньках лестничного пролета. Фантик клали на ладонь, били по ступеньке, кидая его как катапульты. Целью было попасть, накрыть фантик соперника, и в случае попадания фантик забирался. Этой игрой была занята половина всех ребят в школе.

Два последующих урока пролетели также в грустных мыслях. Артем мало думал об учебе, а в перерывах так и не подошел к новенькой и не сделал попытки познакомиться, таким он уж был стеснительным и замкнутым мальчуганом. Последним уроком был труд, на котором девочки занимались вышиванием или кулинарией, а мальчики возились с железяками и деревяшками. На труде Артем наконец отвлекся от гнетущих мыслей и занялся любимым делом, так как ему одному разрешили заниматься не по теме урока. Он был занят постройкой макета корабля.

Учитель труда был очень увлеченный человек и однажды показал ребятам, как он делает макет старинного парусного корабля. Артему одному из всего класса это понравилось, и он проявил неподдельный интерес. Видно, Юрий Иванович это заметил и разрешил ему делать макет парусного судна «Санта-Мария» Христофора Колумба, тогда как остальные занимались по общей программе. Макет был большой, примерно 70 сантиметров в длину и столько же в высоту. Уже был сделан корпус, мачты, реи, смотровые мостики, оставались еще лестницы, канаты, паруса и покраска. Дело с помощью Юрия Ивановича продвигалось быстро.

– Ну вот, Артем уже может через два урока заняться покраской корабля, – сказал Юрий Иванович, обращаясь к ребятам, крутя в руках макет корабля и показывая его.

Ребята косились издали и, возможно, завидовали Артему, который весь урок клеил, шпаклевал, шлифовал и делал замеры, а им приходилось стоять у станка и вытачивать ножки для табуреток.

После школы, так и не решившись подойти к Данае, он поехал на тренировку. Взвалив на плечи тяжелую сумку, где лежали коньки, спортивная одежда, термос с чаем и бутерброды, побрел на троллейбусную остановку. Спортивная секция находилась недалеко от метро «Водный стадион», и пока он туда ехал в течение получаса, Дана все время не выходила у него из головы, хотя первые эмоции уже улеглись. Далее разговоры с товарищами в раздевалке его отвлекли от раздумий, а когда он вышел на лед, обутый в черные кожаные коньки с длинными ножами-лезвиями, подгоняемый тренером, то ледовая стихия его захватила полностью.

Ему нравилась скорость. Он старался как можно сильнее вжиматься в лед, отталкиваясь изо всей силы, и проходить повороты не заваливаясь и доставая рукой лед. Все вокруг мелькало, и он скользил по блестящей ровной поверхности и наслаждался этим, стараясь все делать так, как говорил тренер, и еще так, как он прочитал в книге, про Якова Мельникова. После разминки он долго вместе с группой нарезал круги по стадиону, находясь где-то в середине цепочки, а всего в группе было двенадцать человек. Погода была не слишком морозная; падал мелкий пушистый снежок; настроение у Артема постепенно пришло в нормальное состояние.

После тренировки он, усталый и довольный, приехал домой уже как ни в чем ни бывало. Родителям он рассказал, что в их класс пришла новая девочка-иностранка, но про свои эмоции и ощущения не стал рассказывать. На следующий день, заметив входившую в двери школы Дану – о чудо! она была одна, без свиты, окружающих ее девчонок, – Артем решился и поздоровался с ней.

– Привет, Дана, меня зовут Артем, – сказал он, улыбнувшись как можно естественней, и протянул ей руку, при этом сильно волновался, потому что никогда раньше этого в своей жизни не делал.

– Добрый дэнь, – ответила она и слегка сжала его руку в своих пальчиках, посмотрела на него внимательно своими карими и, как ему показалось, немного грустными глазами, также улыбнулась в ответ.

Артем смутился под взглядом этих необычных глаз, а рука дрогнула, ему стало не по себе, к тому же он не знал, как продолжать разговор. Он, глядя в сторону, быстро сказал:

– Ох, извини, Дана, мне надо кое-что перед уроком передать Пашке из 5-го «Б», я побегу. – И Артем убежал. Сердце его бешено колотилось, но не от бега, а от волнения. Знакомство, по его мнению, состоялось, и все прошло замечательно.

На уроках он несколько раз замечал взгляды Даны и очень смущался каждый раз, а сам посматривал на нее тайком, якобы глядя в другую сторону.

Дни побежали чередом, их общение было только в пределах привет – пока. На переменах Дана была окружена девочками из его и соседних классов, а после школы за ней приезжала машина – черная «Волга» – и забирала ее домой. Артем уже привык к ней, и у него всегда при ее появлении было хорошее настроение, а при встречных взглядах он улыбался произвольно, и Дана это замечала. Он относился к ней как, наверное, к произведению искусства, как к картине

в Третьяковской галереи. Она всех восхищает, вызывает эмоции, но трогать ее нельзя. Следуя своему характеру скрытости, Артем стал писать записки, чего раньше никогда не делал, и это ему нравилось.

Записки были анонимные, без подписи, в которых он писал, что она очень красивая и привлекательная, а также что она ему очень нравится. Слово «любовь» он не использовал, но это было и так заметно в этих коротких посланиях. Эти записки Артем незаметно на переменах – или в конце уроков – подкладывал в портфель, учебник, тетрадь или пенал с ручками. После получения и прочтения этих записок Дана испытующе посматривала на ребят и на него тоже, но он всегда принимал самый невозмутимый и нейтральный вид. Это продолжалось долгое время. Вот только Артем все чаще стал замечать, что после прочтения очередной записки Дана смотрит строго в первую очередь в его сторону, и очень испугался, что будет разоблачен.

Он стал писать записки реже и более осторожно их подкладывать. Однако почему-то внутреннее чувство его подталкивало выражать на письме свои ощущения все чаще и чаще, хотя большая часть этих записок шла либо в письменный стол, либо в ведро. Все, что было известно о ней Артему, по информации от ребят и девочек, это то, что Дана в Союзе несколько месяцев, живет с родителями на ст. м. «Водный стадион», в квартире, которую предоставляет фирма, в которой работает ее семья. Ее отец сотрудник торгового представительства и занимается поставкой в Союз свежих и консервированных овощей и фруктов.

Когда подошел праздник 8 Марта, Артем решил сделать Дана подарок от себя лично. На сэкономленные на завтраках деньги он купил – правда, долго искал – игрушку: пушистую маленькую собачку серо-белого цвета с челкой, которая была сделана из кроличьего меха. По традиции девочек в этот день запускали в класс только после того, как мальчики разложат на столах подарки, которые одобрены были классным руководителем и куплены централизованно, но допускались частенько и личные подарки в дополнение к основным. Артем во всеобщей суете поставил на стол Даны подарок, однако его действие не осталось незамеченным.

– Ого, Репкин! Ты что, втюрился, что ли, в новенькую? – крикнул Андрей Оцып с пятой парты, который увидел этот момент.

Артем покраснел до корней волос и занервничал, однако ответил:

– Ничего ты не понимаешь, это дань уважения к девочке из братской нам страны. – После чего сел за свою парту. На том вопрос и был замят.

Девочки, как всегда шумно и с радостными возгласами, вошли в класс и устремились к своим партам. Дана собачка очень понравилась, и это было видно, так как она не выпускала ее из своих рук весь урок. Артем был счастлив, а также радовался, что остался неразоблаченным.

Через несколько дней он опять написал записку и подложил ее в учебник, там он изобразил что-то наподобие стихов, в которых сравнивал ее с розой в саду. Дана через некоторое время пришла, нашла записку, без удивления прочтала ее, лишь легкий румянец выдал ее эмоции, но в этот раз она не смотрела испытующе по сторонам – это было необычно. Артем занервничал и заерзал на стуле, но к концу урока уже забыл о ее такой реакции и был спокоен.

Прозвенел звонок, ребята с шумом собирались, громко разговаривали и выбегали из класса. Артему пришлось задержаться, по причине того, что он не успел записать домашнее задание. Когда он уже заканчивал писать, то боковым зрением увидел, как Дана подходит к его парте. В классе в этот момент оставалось несколько человек, которые были заняты своими делами и тоже уже уходили. Он оторвал глаза от своих записей и увидел, что Дана стоит прямо над ним и смотрит в его тетрадь.

«Ну вот и все, конец, разоблачен», – пронеслось в голове, и сердце быстро-быстро забило от волнения.

– Артэм, – произнесла Дана, внимательно и строго на него посмотрев.

Он густо покраснел и – поскольку он сидел, а она стояла – смотрел на нее снизу вверх, но не в глаза, а на ее галстук.

– Это ты мне записки пишешь? – спросила Дана негромко и, как ему показалось, не сердито.

«Может, еще не все потеряно», – размышлял Артем, хотя сильно испугался, а вслух сказал:

– Какие записки? Я не понимаю, ты о чем?

– Вот эту, напримэр. – И она положила на стол, рядом с его открытой тетрадью его собственную записку. – Смотри, и почэрк твой.

Артему сделалось дурно. Он то краснел, то бледнел и не знал, что отвечать. Ему хотелось провалиться сквозь пол или испариться, в общем, исчезнуть. Казалось, что наступил для него конец света. Он молчал как рыба.

– И собачку тожэ ты мне подарил, да? – И, не дожидаясь ответа, она добавила: – Она мне очэнь понравилась, я ее в своей комнатэ поставила. Ну что ты все молчишь, Артэм?

Артем нашел в себе силы выдавить чуть слышно:

– Да, это я подарил.

– Я тебе нравлюсь, ты влюбился в мэня?

После этого вопроса Артем с трудом понимал, почему мир еще стоит, а не рухнул вместе с ним. Он собрался и, посмотрев впервые ей в глаза, впервые в своей жизни в глаза девчонке, сказал, ожидая в ответ что-то ужасное, вплоть до удара учебником по голове:

– Да, – выдавил он, кивнув головой.

– А почему я тэбе нравлюсь? – ее голос звучал нежно, но строго.

– Ты такая, такая необычная, уникальная, красивая. – Артем был рассеян и не знал, что должен говорить и отвечать, но он вдруг почувствовал в себе силы для продолжения этого непростого разговора, внимательно на нее посмотрев.

Ее большие карие глаза были открыты больше обычного и внимательно смотрели на него, а легкий румянец покрыл ее пухленькие щеки. Артем встал со стула; они стояли друг против друга очень близко; он не знал, что делать дальше и что говорить. Комок подступил к горлу, и он слышал биение своего сердца. Так они стояли некоторое время, пока Дана первая не нарушила молчание:

– Давай дружить. – И она протянула ему руку.

– Давай, – долго растягивая это слово, как в оцепенении, ответил Артем и неловко пожал ей руку, а она в ответ чмокнула его в щеку, чего он никак не ожидал и стал пунцовым.

– Ну ладно, я пойду, скоро перемена заканчивается, – сказала Дана.

– Хорошо, – ответил Артем. Он был в шоке и как под гипнозом.

В этот момент дверь скрипнула и вошла учительница русского языка и литературы:

– Так, что это вы тут делаете? Опять Репкин девочек обижаешь, да еще новенькую?

– Все нет, Тамара Николаевна, я тут по домашке объяснял Дане. – Он замаялся, но был рад, что учительница появилась вовремя, так как он чувствовал себя все более и более неловко.

Дана, взяв свой портфель, удалилась из класса, а он стал машинально и медленно собирать свой.

– Репкин, непривычно тебя видеть задерживающимся после занятий, – улыбнулась учительница.

– Так получилось, я домашнее задание записывал. Да я все уже, побежал. До свидания, Тамара Николаевна.

Он выскочил из класса и помчался вниз по лестнице. Добежав до первого этажа, он забился под лестницу, взобрался на стол, не выпуская портфеля, и только тогда перевел дух. Последние десять минут для него были минутами позора и сродни марафону. Он весь вспотел от волнения и переживания.

«Как теперь быть? Она все узнала! Что же теперь делать? Какой позор для меня! Теперь и другие узнают. Что будет дальше и, главное, как себя теперь вести с Даной?» – мысли лихора-

дочно крутились в голове. Он просидел так еще некоторое время, пока его внезапно не отвлек грубый голос:

– Э, ты че тут сидишь? у тебя сигарет нет, случайно?

Артем посмотрел, кто это пробасил. Оказалось, долговязый Игорь из 9-го «Б», у которого блестела красная повязка на рукаве, означавшая дежурного по школе.

– Че, оглох, что ли? – не получив ответа, пробасил вновь Игорь.

– Нет у меня сигарет, живот вот чего-то прихватило, – ответил наконец Артем.

– Живот прихватило, так скачи в медкабинет. Че тут сидеть.

– Да, я, наверное, пойду уже. – Артем медленно слез со стола и поплелся наверх; уже скоро начинался урок биологии.

Пока он поднимался, он решил, что надо будет себя вести как ни в чем не бывало, как будто ничего не произошло. Когда он достиг двери кабинета биологии, то прозвенел звонок и все уже входили. Артем быстро проскользнул на свое место, стараясь не отыскивать глазами Дану и ни на кого не смотря вообще. Урок начался, однако произошедшее так потрясло Артема, что тема урока совсем не усваивалась в его голове. Мысли были очень далеко от учебы. Он пытался разобраться во всем этом, и еще его тревожило и беспокоило, что думает о нем Дана.

«Наверное, если она не устроила скандал и не оттаскала меня за волосы, а предложила дружить, я ей нравлюсь тоже? А если она специально так сказала, чтобы меня обмануть и не обижать? А может, у них так принято, у иностранцев: в лицо одно говорят, а делают другое. Ладно, в конце концов, то, что произошло, не воротишь и пусть так все и идет», – сдался он наконец и стал вникать в то, о чем говорила учительница.

После урока – а биология была последней – он, стоя на лестнице уже одетый, перед входом в школу, смотрел, как Дана садится в черную «Волгу». Она помахала ему рукой, он в ответ тоже, однако покосился предварительно по сторонам. Машина уехала, а он смотрел ей вслед. Ему вдруг стало тоскливо ото всего этого, он подумал: «А что дальше и к чему все это может привести?» От предложения ребят сгонять за пробками к «Союзу» он отказался и пошел домой. На улице уже пели птицы, журчали ручьи и по-весеннему ярко светило солнце.

Весь день Артем просидел в квартире, не выходя, что бывало с ним крайне редко, и был один. Он размышлял, разговаривал сам с собою вслух и все более убеждался, что его отношение к Дане уже переросло в нечто большее, чем просто заигрывание. Может, это и есть любовь, о которой все поют по радио и по телеку – в этом разобраться было сложно, чувство явно было незнакомое. По своей замкнутости он не хотел доверяться никому, и даже когда поздно вечером пришли родители, он им ничего не сказал. В переживаниях его еще согревала мысль о том, что Дана, может быть, к нему тоже не равнодушна, хотя она иностранка и вообще живет в другом измерении. Ночью он плохо спал и все время ворочался с боку на бок.

С произошедшего события прошло пару недель; буря эмоций, захлестнувшая Артема, улеглась; они просто общались как хорошие знакомые, улыбались и он, и она, когда здоровались или прощались. Он подарил ей брелок для ключей в виде белки, а она ему открытку с видом Софии и надписью: «Артему от Даны». При всем этом Артем не забывал со своей стороны про конспирацию и старался все это делать незаметно ото всех. Но, видимо, шила в мешке не утаишь, и изменения все же стали бросаться в глаза со стороны, даже учителя говорили:

– Репкин, что с тобой произошло? Ты больше не дерешься на переменах, не обижаешь девочек, стал просто примерным учеником, только осталось поднять успеваемость.

При этих словах он скромно сидел, наклонив голову, уткнувшись взглядом в парту. Среди ребят тоже ползли противные для Артема слухи, которых он так боялся, но он твердо отнекивался и отшучивался. Однажды, после урока истории, который проходил на 4-м этаже, Артем, будучи дежурным по классу, задержался, чтобы поправить и расставить стулья и протереть доску. Все уже вышли, кроме Даны, которая долго собирала свой портфель.

– Давай я тебе помогу, Тёма, – сказала она деловито и подошла к нему, взяв в руки губку.

Артем оглянулся с чувством беспокойства – в классе никого кроме них не было. Дана стояла напротив него так близко, что чувствовалось ее дыхание. Она была восхитительная в розовой новенькой кофточке, поверх которой был повязан пионерский галстук. Они встретились глазами и несколько секунд смотрели, не отрываясь, друг на друга неподвижно. Неожиданно для себя, скорее повинувшись инстинкту или эмоциям, чем разуму, и не в силах сдержаться, Артем вдруг сделал шаг вперед и поцеловал Дану в уголок ее губ.

Губы были мягкими, теплыми и немного влажными. Артема в этот момент охватило странное чувство, и мелкая дрожь заструилась по всему его телу. Он отпрянул назад, ожидая неизвестной ему реакции Даны. А она стояла неподвижно, смотря на него широко раскрытыми, удивленными глазами, не сделала ни одного протестующего движения. Затем подошла близко-близко, обвила его шею своими руками и прильнула к нему, подарив глубокий и долгий поцелуй.

У Артема все потемнело в глазах и все закружилось как в водовороте. Он куда-то проваливался, стоя на месте, он ощущал ее губы, тело, ее запах, волосы. Он приобнял ее за талию, слегка касаясь. Так прошло несколько секунд, а может, минут. Затем Дана высвободилась из его объятий и с веселым смехом, схватив свой портфель, выбежала из класса, оставив растерянного Артема в оцепенении, одного у доски, которую он так и не успел вытереть. Артем в изнеможении опустился на стул, он вспотел и был потрясен, на своих губах он все еще ощущал вкус ее губ.

– Что это сейчас было? – спросил он сам себя вслух, и тут же, как молния, пронеслось: «Что, если это было все подстроено, и кто-нибудь наблюдал в это время, например, в замочную скважину или через неплотно закрытую дверь?»

Он метнулся к двери и широко ее распахнул, ожидая увидеть ликующую толпу – за дверью никого не было. Заглянул в лестничный пролет – никаких удаляющихся шагов, ничего.

Он медленно вернулся обратно в класс.

– Тёма, ты целовался первый раз в жизни! Это так необыкновенно, ничего подобного раньше не было, – сказал он сам себе вслух. – Дана умница, я бы сам ни в жизнь такой поцелуй не позволил бы, – продолжил он.

После этого случая он вдруг почувствовал, что внутренне изменился. С ним что-то произошло, он влюбился в Дану, наверное, это была любовь, так ему казалось. Артем все время думал о ней, кровь прилиwała к голове, а сердцебиение учащалось при ее появлении. Он хотел быть с ней не только в школе, во время уроков, но знал, что это вряд ли возможно.

Жизнь ему стала казаться какой-то иной, более яркой и интересной, что ли, а может, этому еще и способствовала весна с сочной зеленью листвы на деревьях и ярким солнцем. Артем написал еще одно уже большое стихотворение и, сложив лист блокнота треугольником, аккуратно вложил в ее тетрадь; стихотворение он подписал своим именем. И хотя он все также был скрытен и осторожен, ловил себя на мысли, что ему теперь все равно, знают об этом или нет, будут что-либо говорить или нет, будут ли шептаться за спиной и показывать пальцем или нет.

Артем и Дана теперь часто целовались, улучив удобный момент или уединившись в укромных местах. Артем был счастлив от всего происходящего в его жизни, тем более что приближались майские праздники, а это для Артема было одним из самых важных событий в году, наряду со встречей Нового года.

Май для Артема начинался всегда радостно. Сначала наступало 1 Мая – в этот день, особенно в раннем возрасте, он почти всегда с отцом ходил на демонстрацию, которая начиналась в районе ст. м. «Пушкинская». Там ото всех предприятий Москвы собирались так называемые делегаты, демонстранты, которые в дальнейшем организованными группами двигались по Тверской улице и дальше следовали через Красную площадь. Там можно было увидеть и

посмотреть на членов правительства и генерального секретаря, если повезет, которые стояли у мавзолея.

Настроение у Артема, впрочем, как и у всех, было праздничное с самого утра, по радио играла бодрая музыка соответствующей темы. Все демонстранты заранее снабжались плакатами, транспарантами – обычно с лозунгами или с тезисами очередного пленума ЦК КПСС – и флажками. Флажком Артем очень любил махать, сидя на плечах отца, когда они проходили по Красной площади. Пока они проходили, в громкоговоритель раздавались лозунги, которые произносил диктор, и все потом повторяли за ним и кричали громкое ура, а после этого снова играла музыка. Народу на первомайской демонстрации было очень много, несколько сот тысяч, а может и миллион человек.

После возвращения домой Артем прятал красный флажок в шкафчик как очередной трофей и ждал до следующего года.

А второй и наиболее значимый праздник был для маленького Артема День Победы. Потому что в этот день они с мамой и папой после завтрака и просмотра парада Победы на Красной площади всегда приезжали к бабушке, папиного папы.

В этот день там собирались все папины сестры и их семьи, родственников было очень много. Было праздничное, радостное настроение, и все искренне поздравляли деда, который прошел почти всю Великую Отечественную войну, участвовал в финской, имел много орденов и ранений.

Дед Артема был человек железный, так говорили все родные. Он родился в 1910 году в Рязанской области, в Кораблинском районе, в селе Пехлец, в крепкой крестьянской семье, где насчитывалось четырнадцать детей. После известных событий их причислили к кулацкой семье, так как на каждого члена семьи давали земельный надел. У них было очень много земли, которую они все обрабатывали и занимались выращиванием табака. Своих рабочих рук не хватало, чтобы обработать такие площади, и им приходилось нанимать людей со стороны.

После Октябрьской революции маленького Павлушу – так звали деда – отдали в кадетское военное училище, по специальности «артиллерист», которое он почти окончил. Во время раскулачивания и продразверстки произошел эпизод, из-за которого его исключили из училища. Комиссар во главе отряда собирал «излишки» по сельским домам, и когда пришли к ним, то мать деда, бабушка Дуня, которая тогда была беременна, встала у амбара и сказала, что не пустит туда, так как ей надо кормить четырнадцать детей. Тогда комиссар грубо ее оттолкнул, и она упала. Павел стоял неподалеку и видел это и со словами «подлец эдакий, ты что творишь!» ударил комиссара, и тот упал.

Раздувать конфликт комиссар не стал, так как Павел был при оружии, у него был табельный пистолет, а написал на него заявление. Деда забрали через пару дней и посадили, а из училища исключили. Дед, отбывая срок, написал письмо товарищу Ворошилову, и, к великому удивлению, это сработало и его выпустили, но целый год к тому времени он уже отсидел.

После этого Павел поступил в техникум, который окончил и отправился после этого в Москву к старшему брату Федору, который служил в военно-воздушных войсках и был в чине капитана. А семью, которая осталась жить в Рязанской области, раскулачили полностью, забрали все имущество, выселили из их большого и старинного кирпичного родового дома, и все разъехались кто куда, по просторам РСФСР. Старший брат помог Павлу адаптироваться в Москве и устроил его работать в Московский авиационный институт. Пока он там работал, женился, родился папа Артема, а вскоре, через пару дней, началась война.

Дед, как и многие, пошел добровольцем на фронт. Там учили его военное обучение, зачислили в артиллерийский полк и поставили на Волоколамское направление. Столько эпизодов, сколько с ним произошло на фронте, хватило бы на отдельную книгу, многие были просто невероятные, иначе их назвать и объяснить невозможно, но для примера можно привести всего один, зато какой.

Дед был тяжело ранен в 1944 году, в боях под Вильно (современный Вильнюс) и после этого комиссован по инвалидности, в чине капитана. После войны вернулся в МАИ, где стал работать в транспортном отделе. Потом знакомый ректор института, который к нему хорошо относился, устроил его начальником кремлевского гаража, где дед лично подавал автомобиль таким людям, как Маленков, и другим. Однако проработав там некоторое время, он понял, что не может работать в этой системе, так как от него требовали писать доносы на тему, куда товарищ такой-то ездил и что там делал. Поэтому дед уволился, вернулся снова в МАИ и там проработал начальником производственного цеха до самой пенсии.

Артем в этот раз играл с двоюродными братьями и сестрами, которые были младше его на несколько лет, в различные игры, в соседней комнате, пока взрослые сидели за столом и общались. Вообще это был день единения, возможность собраться всем родственникам вместе, которые жили в разных концах Москвы и собирались редко, но на этот праздник приезжали все, чувствуя себя частичкой древнего рода.

После застолья и разговоров, как правило, Артему и другим внукам можно было с гордостью прогуляться по улицам Москвы с дедом за руку. Дед при этом надевал свой пиджак с огромным количеством орденов и медалей, которые закрывали всю грудь, и все прохожие поздравляли дедушку, а некоторые просили сфотографироваться с ним. Артем этим очень гордился. В этот день деда все просили рассказать какую-нибудь историю или случай, который с ним был на фронте. Это получалось редко, так как дед не любил особо рассказывать и вспоминать то время.

В этом году дедушка получил новую квартиру в районе Строгино. Квартира была трехкомнатная и просторная. Все внуки, а также взрослые расположились в большой комнате: кто на диване, кто за столом, вместе с дедом, кто в креслах. В этот раз он поведал историю своего последнего ранения, а дело было так.

Красная армия теснила фашистов к Вильнюсу, и там шли очень ожесточенные бои. У деда под командованием было пять орудий; они постоянно стреляли и сами находились под ураганным огнем, но внезапно немцы пошли в наступление и пустили большое число танков, как раз на направление, где была дедушкина батарея. Командование приказало вывезти орудия из укрытия и бить прямой наводкой по танкам, что было и сделано.

Началась настоящая бойня, запылало несколько немецких танков, было уничтожено одно орудие из дедушкиной батареи, однако танки все лезли, но встретили серьезный и, главное, очень точный огонь. Уже было подбито около десяти – двенадцати танков, но атака не прекращалась. Дед очередной раз махнул рукой, крича: «Огонь!» – и вдруг резкая боль в плечо, потеря сознания. Очнувшись он уже в госпитале.

Он был серьезно ранен, и хирурги хотели ампутировать руку, но главный врач, который производил осмотр, сказал на это: «Если всех так будете лечить, то кто же воевать будет», – и оставили руку нетронутой. Дед перенес несколько операций, в основном по удалению осколков, потому что ранение было очень сложное. Разрывная пуля вошла в левое плечо, прошла внутрь грудной клетки и взорвалась над сердцем. По счастливой случайности или божьему провидению, взрыв был направлен в спину, вследствие чего у деда вынесло лопатку, но другие жизненно важные органы не были задеты, зато осколков было очень много. Позже, когда пришли однополчане его проведать, то рассказали историю о том, как это произошло.

В тот день, когда его ранили, все бойцы поняли, что это не был осколок, а стрелял снайпер. Тогда послали группу солдат к ближайшей колокольне, что находилась в селе. Там и обнаружили немецкого снайпера, который был прикован цепью к ограде и стрелял по офицерскому составу. Его, естественно, обезвредили, но предварительно допросили. В процессе задали вопрос по самому выстрелу, как же он промазал и не попал в голову, так как он должен был стрелять только туда. Снайпер ответил, что в момент выстрела взрывом тряхнуло коло-

кольню, и выстрел сорвался ниже. Вот благодаря такому стечению обстоятельств дедушка и находился сейчас вместе со всеми детьми и внуками.

Артем и остальные братья и сестры подбежали с криками: «Дедуля, дедуля, наш любимый дедуля», – который их всех обнял. Таким запомнился этот праздник Дня Победы маленькому Артему в этом году, и дедушку он запомнил именно таким, победителем, одним словом, и всегда с теплотой вспоминал эти дни и это время в своей жизни.

После возвращения в школу Артем рассказал Дане, как у него прошли майские праздники, показал и подарил фотографию, где он вместе с дедом. Дане понравилась фотография. Она со своей стороны рассказала, что у них тоже отмечают 9 Мая. Они возлагают венки к памятникам советским солдатам, которых очень много, и после отмечают у себя дома в кругу семьи, и у них тоже есть фронтовики.

Дни опять побежали чередой, и уже май между тем подходил к концу, а вместе с ним и учебный год. И тут Артем стал замечать, что Дана стала немного грустной, а может, ему это только показалось. Артем не придал этому особого значения, ничто не могло нарушить его хорошего настроения. К тому же на его вопрос, все ли нормально, Дана утвердительно сказала да.

И вот в один из дней в конце недели классный руководитель Галина Евгеньевна, после приветственных слов «гуд мординг, чилдрен», перейдя на родной язык, улыбаясь, сообщила:

– Ребята, наша ученица Дана Богданова уезжает. Она возвращается в свою страну, вместе с родителями к себе домой, в г. Софию. Надеюсь, вы все подружились с ней, ведь Дана будет рассказывать там о нас, и по ее рассказу болгарские школьники составят представление о СССР и о нас с вами. Тебе понравилось здесь, Дана?

Дана встала со своего места, повернулась к классу. Хотя она улыбалась, но улыбка была ненастоящая; Артем заметил, что улыбка была грустной, ей не было весело. Тем не менее вслух она сказала:

– Ребята, мне было очень приятно с вами со всеми общаться и дружить, – при этих словах она посмотрела на Артема, – и если честно, то уезжать очень-очень не хочется, хотя я и скучаю по родному краю. Но если бы была возможность, то я бы обязательно осталась, – после этих слов две крупные слезинки потекли у нее по щекам. В классе послышался гул одобрения и слова поддержки.

– Дана, не плачь, пожалуйста, ведь ты еще приедешь к нам когда-нибудь.

– Мы тебя все любим и будем ждать снова в гости.

– Сейчас, наверное, все родственники соскучились по тебе и ты по ним, ведь правда? – спросила Галина Евгеньевна.

Дана ответила кивком головы, вытирая слезы.

– Когда ты уезжаешь? – спросила Галина Евгеньевна.

– В понедельник утром.

– Ребята, видите, как Дане у нас понравилось! И в этом есть ваша заслуга, вот это и называется дружбой народов. Давайте Дану подбодрим.

«Дана, ты умница», «Держись», «Ты к нам еще приедешь», «Не забывай нас, Дана», «Приезжай еще», «Мы будем тебя вспоминать», «Нам будет тебя не хватать», «Без тебя будет скучно», – слышалось со всех сторон.

Для Артема все происходящее было как гром среди ясного неба. Как, как он мог позабыть про то, что могло произойти в любой момент, что она здесь временно и их дружба и чувства – все, все рушится в один момент, и ничего, ничего с этим сделать нельзя. Все произошло в тот самый момент, когда он менее всего это ожидал, когда все было так замечательно, а ведь он должен был думать о такой возможности, но не думал или не хотел думать об этом.

Его шею как будто стиснуло тисками, а в голове зашумело. Он сидел, смотрел на Дану, стоящую в трех метрах от него, и понимал, что больше никогда, никогда, быть может, ее не

увидит. На глаза навернулись слезы, и он тихонько заплакал, но так как все смотрели на Дану, то никто этого не заметил.

Практически весь урок говорили про Болгарию, как там учатся, есть ли какая-то разница, отличия, а также о большой дружбе между странами и об истории Болгарии, а Дану спрашивали, как они там живут. Артем практически ничего не видел и не слышал; он смотрел то на карту Болгарии, то на Дану и молчал. Его мало интересовали в данный момент все эти темы.

На перемене Дана сама подошла к нему и, смахивая слезу с ресниц, протянула ему свою фотографию со словами:

– Прости, Артем, не могла сказать тебе раньше, сама переживаю, это тяжело. Вот, возьми, тут с надписью для тебя, – сказала она почти без акцента и правильно.

– Спасибо тебе огромное, Дана. Я очень, очень буду скучать по тебе. – Артем с трудом подбирал слова и сдерживал слезы, чтобы не разреветься перед ней, да и при всех, при этом он погладил ее по руке.

– Еще вот тут, если я больше не смогу приехать, наш адрес в Софии, пусть будет у тебя. – Она протянула ему листок бумажки.

Артем тут же оторвал кусочек от него и написал номер своего домашнего телефона и отдал ей со словами:

– Конечно, спасибо тебе огромное, я сохраню. А вот тоже держи, это наш московский телефон.

Когда она положила все это в портфель, он спросил:

– Даночка, мы сможем еще увидеться в выходные?

– К сожалению, нет, Тёма. Мы сегодня уезжаем в Ленинград, на экскурсию, там пробудем все выходные, а в понедельник с утра у нас самолет из Москвы в Софию.

Свидетелей этой сцены было предостаточно, так как Артем и Дана не стали скрывать ничего в этот момент. И после этого Артем был награжден целой кучей реплик, таких как:

– Поглядите-ка, наш тихоня втюрился.

– Смотрите, ну надо же, Репуля, вот дает.

– Кто бы мог подумать, в тихом омуте.

– На заграничную потянуло, мы его не устраиваем.

– Да ну вас всех, ничего вы не понимаете, – буркнул им в ответ Артем, проходя мимо.

После уроков, когда он уже свыкся с мыслью об отъезде Даны, они еще раз встретились на лестнице, уже без свидетелей. Артем обнял ее и поцеловал, потом, глядя близко-близко ей в глаза, набрался храбрости и сказал:

– Не забывай меня, Дана, ладно? Ведь я тебя люблю.

– Я тебя тоже, – ответила она, поцеловав его, и они заключили друг друга в объятия. После некоторое время они держались за руки, смотря друг другу в глаза, полные слез, затем Дана сказала:

– Мне пора, прощай, Тёма, пиши мне на мой адрес в Софии. – Потом она разжала свою руку, посмотрев внимательно на него своими неземными, карими глазами, и побежала к ждущей ее машине.

Артем смотрел, как она садится в машину, в белых гольфах, бирюзовой блузке, бежевом платице, с кремовым бантом на голове и оранжевым ранцем – такой он видел ее в последний раз, такой и запомнил. Она помахала ему рукой из открытого окна машины и махала до тех пор, пока машина не скрылась из вида. А Артем поплелся домой и весь день был сам не свой. Он был очень впечатлительным мальчиком, и это событие его настолько потрясло, что он проревел весь день навзрыд, а также на следующий день, не вставая с дивана, слезы текли ручьем.

Маме, сильно обеспокоившейся за сына, он рассказал все, добавив, что как жить дальше, не знает и не хочет и Дану больше никогда не увидит. Мама как могла успокаивала сына, говоря, что все наладится и все будет хорошо, и если он ее хочет увидеть или найти, то обяза-

тельно увидит. Мама рассказала ему, что у нее есть подруга в Болгарии, они познакомились на фестивале молодежи и студентов в 1958 г., и показала сыну письма от нее, сказала, что напишет ей письмо, а она может найти Дану. На что Артем думал примерно следующее.

Он бы обязательно разыскал Дану, если бы речь шла о любом городе Советского Союза, это было бы не так страшно, но за граница казалась другой планетой, и уезжающие туда были недостижимы и навсегда потеряны. Скорее всего, он ее вряд ли увидит. В итоге проплакав два дня подряд, Артем сказал сам себе, стиснув зубы: «Вырасту, выучусь, обязательно уеду за границу, в Болгарию, и найду там Дану», – с этими мыслями он и уснул. Ночью ему снились удивительные сны, как он уезжает и приезжает в какие-то страны, пересекает границы, встречает там Дану. Они вместе гуляют и долго-долго беседуют вдвоем, где-то на набережной большой реки или моря, держась за руки и глядя друг другу в глаза.

Глава VI

Жизнь в Буэнос-Айресе

Погода в Буэнос-Айресе стояла отличная. Термометр в тени в десять часов утра показывал 22 градуса по Цельсию, ярко светило солнце. Артем встал, умылся, позавтракал. У него сегодня было в планах посетить центр, выйти к морю, как он это видел, в районе города, который на карте был обозначен как зона отдыха. Главная же задача в принципе у него была изучить местную специфику, понять, чем живут местные, где и как работают, чтобы заняться каким-то делом и зарабатывать в перспективе. Договорившись с женой Александра насчет уроков испанского – аргентинского – именно такого, из-за отличия в произношении, – всего два раза в неделю по 5 долларов за урок, он вышел на улицу.

Больше всего на него производила впечатление и радовала погода. После слякотной и холодной Москвы здесь тепло, солнечно, росли пальмы и незнакомые деревья. До центра было, по его расчетам, километров пять, и он решил их пройти пешком.

Он шел по улице бодро, уже не будучи замороженным вчерашними оформлениями документов, и с интересом глазел на все подряд, все подмечал и сравнивал. Первое, что он заметил, это то, что по улицам города среди автомобилей встречаются очень старые, проржавевшие насквозь и тархтящие машины, которые в России называются «до первого поста». Их было немного, но они были заметны, то там, то здесь. И за рулем сидели обычные с виду водители, нормально одетые, которые, видимо, чувствовали себя вполне комфортно.

«И ничего, едут себе и едут по своим делам, никто их не тормозит и штрафы не выписывает. А у владельцев никаких комплексов нет по этому поводу», – подумал Артем. Потом пригляделся: да и полиции что дорожной, что городской не было нигде видно. Бросалось в глаза большое количество лоточников на велосипедах, так называемых коробейников на аргентинский манер. Переднее колесо велосипеда маленькое, над ним сооружена огромная корзина, выше руля. В этих корзинах у кого-то лежало мороженное и газировка, у других – орешки, сладости или кофе в термосах. Такие продавцы сновали по тротуарам и среди машин, особенно на перекрестках или просто по улицам, по коммерциям.

Все они спокойно работали, может, имели какое-то разрешение, а может, и нет, но никто их не прогонял с улиц. Это выглядело разительным контрастом по сравнению с серыми рядами лоточников у станций метро в Москве, например, а также блюстителем порядка и «братками», собирающими с них ежедневно дань. Здесь все выглядело иначе, и люди были доброжелательные, по крайней мере, безразличные и расслабленные.

– Добрый день, сеньор, не желаете мороженого? Есть разное, с начинкой и без. Какое вы любите? – Возле него затормозил парнишка, лет 18 с сияющей улыбкой до ушей, чисто латинского вида.

– Нет, спасибо, не хочу, – ответил Артем.

– Счастливого, удачного дня, – попрощался парнишка и поехал дальше.

Удивительно, но после короткого общения с ним стало как-то веселее. Его доброжелательность, явно не наигранная, передалась Артему, который вспомнил серьезные, подчас хмурые лица соотечественников. Здесь же он видел лица естественно доброжелательные, везде царил атмосфера спокойствия и свободного общения, очевидно, присущая Южной – а возможно, и обеим – Америке. И это было то, на что обращалось внимание вслед за отличием архитектурным и климатическим.

«Неужели это климат так влияет на людей, – подумалось ему, – хотя народы Северное Европы тоже доброжелательны, судя по рассказам, но поскольку сам я там не был, то на 100 процентов утверждать не стану», – опять думал Артем.

Он проходил по какому-то, видимо, старому и бедному району. На улице валялось много мусора, лениво лежали на некоторых углах собаки, не грея брюхо на солнце, а, наоборот, прячась от него в тени. Артем пересек красивый, аккуратный парк с большими газонами и детской каруселью в центре. Про себя он отметил, что нигде нет такой травы, от которой у него аллергия, это его обрадовало. Ведь сейчас здесь весна и все цветет, трава и деревья, а он всего-навсего один раз чихнул, и то, может, от чего-то другого. Это было для него очень важно.

На траве парка лежали и загорали ребята и взрослые; муниципальные рабочие на другой стороне парка косили траву своими визжащими машинками. Большинство людей, как он заметил, были белокожими и европейского вида, с чисто латинской, индейской внешностью попадались довольно редко. Он прошел мимо большого католического собора, взметнувшего высоко-высоко над землей свой шпиль. По окончании широкой авенюды понемногу начинался центр, людей становилось больше. Они принимали форму потока, но не целенаправленного, а хаотичного, размеренно, не торопясь, тусовались туда-сюда. Народу в центре столько, что аж яблоку упасть было негде.

Артем через некоторое время утомился и зашел посидеть отдохнуть, а заодно и выпить сока в одно из многочисленных кафе. Он заказал стакан свежавыжатого апельсинового сока и, ожидая его, просматривал газету, которую бесплатно давали читать всем посетителям кафе. И вдруг услышал у себя за плечом:

– Извините, молодой человек, вы иностранец? из какой страны? не из России?

Артем отложил газету и повернул голову, посмотреть, кто это сказал. Возле него стоял старичок лет шестидесяти, с небольшой коротко подстриженной седой бородкой, одетый в легкий бежевый костюм из-под которого выглядывала водолазка.

– Да, а как вы догадались? – спросил в свою очередь Артем.

– По внешнему виду, конечно, и потом я тоже русский, моя фамилия Петров. Не возражаете, если я присяду? – он уже перешел на русский, но говорил более медленно и тихо, растягивая слова с еле уловимым акцентом. Это говорило о том, что это был его второй язык и не родной.

– Конечно, присаживайтесь. – При этом Артем сдвинул на край стола газету, так как в этот момент принесли сок.

– Вы знаете, – улыбаясь, продолжил старичок, – я сразу догадался, что вы русский, такой типаж у вас.

– Не знаю, не задумывался никогда об этом. Типаж как типаж, наверное, русский, – ответил Артем.

– Сейчас много русских и украинцев приезжают сюда. Меня зовут Эухенио, Евгений по-русски. А вас?

– Меня Артем.

– У нас отчества не приняты, оно и проще, вы давно здесь?

– Несколько дней как приехал.

– Да ну, вот это да! А как с языком? разговариваете, изучаете?

– Только изучаю, в Москве всего один месяц на курсы ходил, а здесь уроки беру два раза в неделю.

– Так вы из Москвы? – Эухенио как-то по-особенному произнес «из Москвы», видимо по-старославянски, – надолго или как турист?

– Вроде как насовсем, нужно оглядеться, осмотреться, что и как. Здесь все как-то по-другому, отличается от России.

– Аргентина хорошая, радушная страна, ведь почти все население состоит из эмигрантов, все когда-то приехали или сами, или их предки. Вот я, например, внук русского офицера, мой дед с женой и двумя детьми уехал из России в 1918 году.

– Да вы что! Я никогда в своей жизни не видел настоящего эмигранта первой волны, так мы их называем, вернее их потомка. А вы сами были в России?

– Нет, не довелось, к сожалению, поэтому я с удовольствием общаюсь с русскими людьми, которые недавно оттуда.

– А расскажите еще о себе, это так интересно, – попросил Артем.

– С удовольствием. Да, так вот. Мой дед служил офицером в царской армии, Белой армии, как у вас говорят. У меня есть его фотографии этих времен, вот с такими усами, – он сделал жест, который обычно используют, когда хотят показать большие усы, и продолжил: – Он уехал в Турцию на пароходе, затем оттуда в Сербию, там они жили долгое время, и мой отец встретил там мою мать, затем все переехали в Италию, где родился и я. Началась Вторая мировая война, и моего отца забрали в армию, на Восточный фронт, воевать на стороне немцев. После нескольких месяцев он вернулся весь израненный, а после войны начались гонения на тех, кто воевал за фашистский режим, и нашей семье пришлось эмигрировать в Аргентину, здесь мы живем с 1946 года.

Артем слушал весь этот рассказ и думал, как катаклизмы двадцатого века отразились на судьбе отдельно взятого человека или семьи. Что пришлось пережить и прочувствовать всем этим людям, которым довелось переезжать из страны в страну на протяжении более четверти века. А Евгений все рассказывал и рассказывал. Артем узнал, что живет он сам в северном пригороде Буэнос-Айреса, который называется Бажестер, там живет очень много русских эмигрантов. У него свой дом, жена и двое детей. Дочь работает врачом, а сын в адвокатской конторе. Дочь замужем и у нее тоже двое детей, а он сам сейчас на пенсии, долгое время проработал в муниципалитете служащим, где он получал небольшие деньги, но стабильные.

Он обратил внимание, что его дед, который прожил девяносто шесть лет, до конца своих дней не любил советскую власть, но радовался успехам Советского Союза. При этом он считал, что русский народ является заложником системы, где в первую очередь ставятся во главу угла интересы государства, а простому человеку отводится роль маленького винтика. Сам он лично восхищался и восхищается успехам Советского Союза – и затем России – в космической отрасли, научных открытиях, машиностроении. После перешел к теме дней сегодняшних и спросил, как в реальности обстоят дела в современной России.

Артем рассказал со своей стороны, что после перестройки, про которую знают за границей, жизнь сильно изменилась, по сравнению с той, что была в Советском Союзе. Можно свободно изъяслять свои взгляды, исчезла однопартийная система, разрешено заниматься коммерцией, и появилась возможность свободного передвижения, благодаря чему он смог приехать сюда. С другой стороны, развал старого устоя протекает на фоне борьбы за сферы влияния различных преступных группировок, которые часто решают конфликты с помощью оружия. Много в последнее время экономических преступлений и все время что-то происходит и меняется. И ему, Артему, кажется, что после бурлящей и кипящей жизни в России здесь все очень тихо, мило, спокойно и надежно.

– О, это не совсем так, не стоит забывать, что здесь тоже не всегда было спокойно. Аргентина пережила военную диктатуру, да и преступность тут тоже присутствует и, к сожалению, немало. И хотя сейчас вроде все нормально, но есть тем не менее кризис в экономике. Его не так заметно, но он есть и достаточно серьезный, – сказал Евгений и продолжил: – Аргентина является одной из самых передовых и развитых стран в Южной Америке, а Буэнос-Айрес самый европейский город на этом континенте, построенный по образу известных столиц Европы. Население – большинство – чисто европейское, коренное же население более плотно проживает в северной части страны, ближе к Парагваю, Боливии и Чили. Страна очень многонациональная, кого здесь только не встретишь, и все мирно сосуществуют друг с другом на протяжении веков.

Они еще поговорили некоторое время, которое бежало незаметно, затем Евгений сказал, что должен откланяться, и что ему очень приятно было побеседовать. Они попрощались как старые знакомые, пожелав друг другу удачи и всего доброго. После этого разговора Артем почувствовал себя тоже частицей мировой истории как очередной волны эмиграции, ведь разговор затронул ту область, о которой он раньше вообще не задумывался. Когда, овеянный думами о былом и настоящем, вышел из кафе, было уже около трех часов по полудню и он решил продолжить начатый план, дойти все-таки до побережья.

Пройдя между двумя высотными зданиями, почти небоскребами, вышел на набережную, по которой дошел до местечка под названием Пуэрто-Мадеро, это место когда-то было грузовым портом. Оно представляло собой с одной стороны канал, шириной метров семьдесят, с причалами, а вдоль набережной тянулись здания высотой в два – три этажа, старинной постройки из красного кирпича. На первых этажах располагались многочисленные кафе и ресторанчики, а на втором и третьем этажах помещались отели и hostels.

Несколько зданий еще не были отреставрированы, и были видны на втором ярусе тяжелые деревянные ворота из толстых досок, больше похожие на ставни, с массивными цепями, которые их когда-то открывали. Эти приспособления относились к порту, который здесь действовал в 18–19 веках, до того момента, пока не построили новый порт.

На одной из пристаней был пришвартован великолепный парусник, фрегат того времени, с тремя высокими мачтами, белыми парусами и несколькими пушками. Он носил на своем борту имя одного из президентов Аргентины. На табличке при входе на фрегат было написано: «Музей». Артем решил, что посетит этот музей на корабле обязательно, благо времени у него достаточно, а сейчас решил не отклоняться от задуманного маршрута и исследовать все по порядку.

Пройдя по мостику через канал и затем мимо отеля с гордым названием «Шератон», он добрался до поворота шоссе и таблички с надписью: «Национальный парк Буэнос-Айреса». Прямо перед ним были ворота, настежь открытые, а за ними начинались деревья и что-то похожее на кустарник. От ворот шли три дорожки, посыпанные гравием, которые расходились в разных направлениях. Артем выбрал крайнюю левую, которая, как ему казалось, вела кратчайшим путем к морю.

В парке было довольно много людей: кто гулял, кто бегал, кто ездил на велосипеде, другие запускали бумажного змея. Дорога вела через густые заросли плотной непонятной травы, нечто сродни между камышом, папоротником и тростником. С основной дороги влево и вправо вглубь уходили тропинки, а на обочине Артем прочитал надпись, которую он перевел что-то вроде: «Не заходи далеко. Осторожно! Ядовитые змеи». Ему стало как-то не по себе, и хотя он не собирался сворачивать на какую-нибудь тропинку, шел теперь внимательно, всматриваясь в траву, росшую близко к обочине, по обеим сторонам дороги. Вскоре он расслабился, глядя на беззаботно гуляющих, в том числе и по траве, горожан.

По дорожке он шел минут тридцать. Она изгибалась, закругляясь в сторону моря. Высокая трава закончилась, появились отдельные маленькие кустики и песчаные барханы, за ними открылся вид на воду. С первого взгляда Артем увидел, что тут не купаются. Люди загорали, играли в волейбол, даже в шахматы, но не купались. Вдоль берега был насыпан крупный гравий и бетонная крошка, видимо, для предотвращения размывания. Подойдя ближе, он увидел, что вода достаточно мутная. Артем зачерпнул в ладонь воды и понюхал, попробовать на вкус, естественно, не стал. Вода пахла тиной и еще чем-то, но разобрать было нельзя, в любом случае она не была чистой морской водой – скорее всего, речной. Хотя никто и не купался, зато рыбаков было много, и почти возле каждого лежало в садках по несколько рыбок разного размера, похожих на лещей или карпов. Рыболовы все как один использовали блесну, видимо, оттого, что возле берега было очень мелко.

«Да, вот тебе и море, придется подумать о бассейне, если вообще буду где-либо купаться здесь», – подумал Артем. Получается, что огромный город стоял все-таки на реке, а не на морском побережье, как он полагал прежде. И что тут никто не купается, по всей видимости, из-за качества речной воды, это для него было неприятным сюрпризом.

Сделав огромный круг по парку, километров в пять или шесть, он вышел к лагуне или, вернее, к прудам. Их было несколько, разных размеров, между ними были сделаны бетонные дамбы, на которых было очень много людей, у некоторых были бинокли, фотоаппараты, кинокамеры. На воде плавали сотни, тысячи красивых, больших, розовых птиц – это были фламинго. В лучах заходящего солнца – а уже вечерело – зрелище было впечатляющее.

Артем еще долго любовался фауной заповедника, где кроме фламинго были еще и ныряющие птицы, которых он сначала принял за водяных крыс, потому что они не летали, но все время ныряли, пытаясь поймать своими длинными клювами рыбок. Были животные, похожие на крыс или нутрий, с густой гладкой шерстью, а также не то рыбы, не то змеи, типа угрей. И много чего еще бегало, прыгало, летало и издавало странные звуки. И это был не зоопарк, а дикая живая природа, под открытым небом.

Стало темнеть, и Артем побрел, усталый и переполненный впечатлениями, в сторону отеля. Поскольку путь до отеля был не близкий, то он решил сесть на автобус, номер маршрута он узнал заранее еще в отеле. Проезд стоил полпесо, или полдоллара, а вход был только через переднюю дверь, но не через турникет, как сейчас в городском транспорте Москвы, а при входе стоял кассовый аппарат, куда кидали денежку до нужной остановки и брали билет под неусыпным оком водителя.

Автобус домчал его – именно домчал, так как носятся по городу они очень шустро и быстро – прямо до лестницы отеля, так были спланированы остановки. Первое, что он сделал, придя к себе, принял душ, так как в теплом влажном климате без этого просто невозможно существовать. После этого он проверил комнату на наличие крупных и мелких насекомых, точнее на их отсутствие, и уже готов был лечь спать, но его внимание опять привлек какой-то шум или гул, который шел откуда-то с улицы и издалека.

Артема это заинтересовало, и он вышел на балкон, постоял немного, прислушался: гул то утихал, то возобновлялся снова и каждый раз с разной силой. Ему потребовалось некоторое время и даже забраться на крышу отеля – благо это было легко, так как крыша была плоской, – чтобы понять, что этот шум не что иное, как крики болельщиков с неподалеку находящегося стадиона Бомбонера, клуба «Бока Хуниорс».

Над стадионом горели ярко прожектора, и гул криков болельщиков то затихал, то вспыхивал вновь. Только тут Артем вспомнил, что Аргентина великая футбольная страна и знаменитый аргентинец Марадона тоже отсюда, и он вроде как начинал свою карьеру именно здесь, на этом самом стадионе.

Мысли увели Артема в далекий 1986 год. Он вспомнил, как впервые приобщился к футбольной теме. До этого времени он вообще не интересовался футболом, не болел ни за одну футбольную команду или клуб, не играл в футбол с ребятами во дворе, т. е. футбол был сам по себе, а он сам по себе. Но в этот год он лежал на обследовании в 51-й городской больнице г. Москвы, по поводу своей аллергии, куда его перед армией направил участковый терапевт. Время обследования совпало со временем проведения чемпионата мира по футболу, который проходил в Мексике. Поскольку лежать было скучно, делать было нечего, он стал ходить в холл, где стоял телевизор, и где собирались пациенты, болельщики, поболеть за сборную Советского Союза.

Смотря почти все матчи, он по-настоящему проникся игрой. Ему нравились красивые комбинации, неожиданные рикошеты, блестящие удары по воротам как ближние, так и дальние, с подкруткой мяча и изменением его траектории в воздухе, в исполнении сборных разных стран и игроков. Ему очень понравилась игра сборной Франции с Мишелем Платини в матче

с бразильцами и Аргентины против Англии и, конечно же, игра аргентинцев в финале против сборной ФРГ. С этого времени он стал следить за игрой в основном на международных чемпионатах, а также стал играть в футбол, если предоставлялась такая возможность, будь то во дворе дома или в деревне на отдыхе.

Он еще постоял на балконе, вслушиваясь, как проходит матч, всматриваясь в огни города, думая о разном, и потом ушел к себе.

Глава VII

Можайская дача

Еще темно было на улице, когда зазвенел будильник. Вставать ужасно не хотелось, но было надо. Артем сегодня ночевал у бабушки, квартира которой находилась на ст. метро «Сокол», и, не смотря на часы, он знал, что сейчас 4.45 утра, именно на этот час ставился будильник. Дядя Сережа, бабушкин сын и мамин брат, уже умывался в ванной.

– Ты встаешь? – крикнул он оттуда.

– Да, ты умывайся, а я сейчас чайник поставлю, – ответил Артем.

– Ты не забыл, что через полчаса мы должны выйти, чтобы успеть на первую ну или в крайнем случае на вторую электричку?

– Как это можно забыть.

Поставив чайник, Артем поспешил умыться, когда ванная освободилась, и после водной процедуры пришел на кухню, где дядя Сережа уже заварил чай себе и Артему.

– Принеси бутерброды с колбасой и сыром из холодильника, пожалуйста, – попросил он.

Проглотив нехитрый завтрак, они оделись потеплее и взвалили себе на плечи рюкзаки, приготовленные с вечера, в которых был сахарный песок, килограммов десять в каждом, батоны вареной колбасы, килограмма по три, куча мясных консервов, спички, соль, крупа гречневая и рисовая, тоже по несколько килограммов. В итоге каждый рюкзак весил не менее семнадцати килограммов. После чего они поспешили в метро, которое только открылось, чтобы ехать на Белорусский вокзал. В день, когда нужно было ехать на дачу, Артем всегда приезжал на «Сокол», так как оттуда можно было успеть на первую электричку, а если он ехал с метро «Речной вокзал», где проживал с родителями, то он уже не успевал из-за того, что находился дальше.

Несмотря на ранний час, в вагоне метро было много дачников и неудивительно, ведь была суббота. Все были нагружены до предела, кто вез саженцы, кто рассаду, кто коробки, кто лопату или другой инвентарь. Стоит ли говорить, что кроме этого у каждого был рюкзак или пара сумок. Все ехали, навьюченные до предела, к своим законным загородным соткам.

Артем с дядей вбежали в вагон вместе со всеми, и им – о чудо – удалось сесть, так они доехали до станции «Белорусской».

– Тёма, я пойду за билетами, а ты сразу на платформу, как только электричка подойдет, если уже не стоит. Сразу вбегай и занимай места, иначе три часа стоять придется, а я потом с билетами позже подойду.

– А как я узнаю, куда электричка придет?

– Сейчас расписание глянем.

Расписание висело в зале, где продавали билеты, и там была очередь за ними, человек эдак в пятьдесят.

– Ну вот, видишь, пятая платформа, беги, занимай места.

– Хорошо, я пошел.

Народу на платформе было достаточно много, можно сказать, не протолкнуться, и, когда подошла электричка, все ринулись внутрь, как пираты на abordаж, пробивая себе путь локтями, сумками, рюкзаками или просто ругательствами. Артем после короткой борьбы влетел как пробка внутрь вагона, его подгонял висевший за плечами рюкзак и напор сзади идущих. Занял два места, на одно сел сам, а на другое поставил рюкзак и вовремя, потому что через одну минуту мест свободных в вагоне уже не было. Когда пришел дядя Сережа, многие уже стояли в проходе и ему, с рюкзаком, пришлось продираться между ними.

– Ну вот, молодец, теперь все в порядке, можно ехать, – сказал он, садясь.

Электричка тронулась точно по расписанию, и голос машиниста возвестил об этом:
– Осторожно, двери закрываются, следующая станция Беговая.

Народ в вагоне достал газеты, кроссворды, книги, в том числе по садоводству, кто-то достал игральные карты, другие негромко обсуждали какие-то дела или вели праздный разговор. Артем с дядей Сережей, просто подложив под голову куртку, устроились спать, так как ехать им было аж до Бородино, а это часа два с половиной, не меньше. Артем первый проснулся и сладко потянулся. Они уже проезжали возле станции Дорохово. Дядя Сережа еще спал. Вагон сильно поредел, но мест свободных не было, исчезли только стоящие в проходе фигуры. Когда они подъезжали к Можайску, он спросил дядю, который только что проснулся:

– А может, через Можайск, на автобусе?

– Нет, не пойдет, Артем, потому как в автобус не влезем, там народу еще больше будет, чем когда ты в электричку сядишь. Автобус раз в два часа ходит, а сегодня выходной, думай сам.

– Понятно. Значит, опять по Бородинскому полю пойдем, – согласился Артем.

Практически все пассажиры сошли на станции Можайск, и вагон опустел, осталось самых «стойких» человек пять, которые ехали до Бородино, можно даже было прилечь на сиденье, что Артем и сделал.

Бородино их встретило тишиной дальнего полустанка. Ни людей, ни суеты, лишь редкие пассажиры сходили здесь, это была конечная станция данной электрички. На путях стояло пару железнодорожных составов и их электричка. За забором деревенского участка, напротив станции, куры лениво клевали что-то на земле. Артем с дядей Сережей не торопясь сошли, попили воды из станционной колонки и двинулись в путь, а он был не близок.

Им требовалось дойти до Минского шоссе, до которого было километров пять, и потом еще по проселку километра три с половиной до деревни, итого около девяти километров. Этот путь Артем знал наизусть, в связи с тем, что последние лет пять – шесть только так и ездил, потому что он был наиболее оптимален, так как не зависел от транспорта, который то был, то нет, то на него не сядешь. Путь их проходил через Утицкий курган с монументом, затем по военной бетонке до села Артёмки и после Минского шоссе, через деревню Фомино, на деревню Алексеенки, где и был конечный пункт их назначения.

Там бабушка купила дом с участком в тридцать соток, на который они сейчас и ехали работать и везли из Москвы провизию, которая была в виде продуктового набора. Все это по той простой причине, что ближайший продуктовый магазин находился в деревне Артёмки, от них почти четыре километра. Вдобавок в нем продуктов было мало и толку от него не было, разве что хлеб купить, да и тот не всегда был, а если и был, то больше двух буханок не отпускали в одни руки.

По дороге они с дядей Сержей в который раз обсудили тему Бородинского сражения 1812 года, выявляя причины, кто из воюющих сторон что сделал не так, для того чтобы победить тут, и что, на его взгляд, должен был сделать. Артем был, естественно, на стороне французов, а дядя Сережа на стороне русских. В итоге победа обернулась ничьей, поскольку ополчение, вооруженное топорами, вилами и пушками, смогло остановить легкую конницу месье Понятовского как раз в районе Утицкого кургана.

Таким образом, в беседе на эту и разные другие темы, они за два часа добрались до деревни, которая стояла вдалеке от шоссе и дорог и была с трех сторон окружена лесом, а в низине протекала мелкая, извилистая речка Мжут, с четвертой же стороны было колхозное поле. В плане хорошей экологии лучшего места в Подмосковье придумать было сложно. Здесь и воздух был другой, от которого даже голова кружилась, и мошек, птичек и иной живности, в том числе и лесной, было предостаточно. В самой деревне домов двадцать было, может двадцать пять, небольшая деревенька. Бабушка с дедушкой и своей родной сестрой жили тут с мая по октябрь.

Бабушка Вера и бабушка Таня – они сами были родом из деревни, родились во Владимирской области в деревне Саулово, что недалеко от Суздаля, и все их детство и юность прошли там, поэтому они были очень хорошо знакомы с сельским хозяйством. Они приезжали сюда весной на грузовой машине, которую забивали до отказа коробками с пустыми стеклянными банками, мешками с сахаром, крупами, картошкой для посадки, иногда привозили цыплят и индюшек, а также местную валюту – бутылки с водкой или самогоном, для местных трактористов, техников, мастеров и прочих. Все это собиралось целую зиму к предстоящему сезону, копилось и затем отправлялось в первых числах мая на дачу. Артем любил это место, хоть в сезон – июнь – июль – ему было тяжело здесь из-за аллергии и астмы.

Они проживали в стандартном деревенском доме, где на передах была одна большая комната, метров 25, за ней шла кухня-столовая с русской печкой, вдоль крайней правой стены, и за домом находился сарай-хлев для скотины. Поскольку скотины у них не было, то сарай использовался как склад дров и инструмента, а когда были куры и индюшки, то и место для них. Больше всего Артем любил здесь три вещи. Отсутствие цивилизации – кроме радио и первой программы телевидения здесь ничего не было, – бабушкины пироги из русской печки, которую он сам любил топить, и парное молоко, свеженадоенное, которое бабушка покупала у местных селян, кто держал коров. Ему здесь нравилось и многое другое, но эти три составляющие были для него главными.

Дорога, которая через поле вела в деревню, была единственной, и когда шел дождь, то она становилась непроходимая для обычных машин, за исключением козла-уазика, поэтому часто пользовались услугами дяди Вани лесника, у которого была в хозяйстве лошадь с телегой. Для Артема это была экзотика, как из суматошной и вечно спешащей Москвы окунуться почти в другой век, всего в ста километрах от его квартиры. На лошади они с дедом и дядей Сережей ездили за дровами, возили некоторые вещи или ездили в Артёмки в магазин, за услугу платили дяде Ване бутылкой-другой водки.

Еще Артем любил ходить рыбачить. В соседнем селе Сивково, которое находилось в трех километрах, был пруд с карпами. Пруд был закрытым местом для ловли, но рядом была запруда в месте впадения речки и там тоже водились карпы, туда он ходил и всегда приносил рыбу. Его к этому приучил дед, который был заядлый рыбак со стажем. В общем, Артему это место было милее московской квартиры, и если бы не аллергия, то он бы сюда приезжал на все лето. С тех самых пор домик в деревне стал для него заветной мечтой, и он загадал его однажды заиметь, с той лишь поправкой, чтобы это была другая климатическая зона и другая трава, на которую у него нет аллергии.

Итак, у всех родственников как мужского, так и женского пола было расписание посещения дачи. Так, в прошлый выходной приезжали отец Артема и дядя Валера, сын бабушкиной сестры тети Тани, а в позапрошлый – дочь тети Тани с мужем и его другом. В этот раз очередь была дяди Сережи и Артема, которому шел четырнадцатый год, и он любил помогать на огороде.

Бабушкину фигуру, их встречающую, Артем заметил еще издалека, метров за двести. Она всегда всех встречала, так как точно знала, в котором часу кто должен приезжать. А также людские фигуры, бредущие по дороге в поле, были видны за километр. Официально все сюда приезжали на отдых, но отдых тут и не снился, так как работы было непочатый край.

– Здравствуйте, мои золотые! Здравствуйте, мои дорогие! – приветствовала их бабушка.

– Привет, мам, – поздоровался дядя Сережа.

– Привет, бабуля, как ты?

– Да все нормально, пока живы-здоровы, мои золотые. Пойдемте в дом, завтрак уже вас ждет. Как доехали, нормально?

– Да, как обычно, через Бородино, – ответил дядя Сережа.

Они прошли на участок сзади, так как дорога вела за деревней, а дом стоял на переделах. В длину участок имел метров 80, а в ширину – 30 или 35. Все это пространство, за исключением того, что было под домом и сараем, было обработано. Не было ни одного сантиметра свободного, чтобы на нем ничего не росло или не было чем-то занято. Вдоль тропинок росли кусты красной и черной смородины, которых было штук тридцать, за ними были грядки с огурцами, клубникой, чесноком, луком, капустой, кабачками, картошкой, наконец, и, конечно, парники с помидорами. Справа от дома стояли ульи и росли яблони. Также росла облепиха, крыжовник, слива, рябина черноплодная, калина и много чего еще. Пройдя через весь участок и самодельный мостик через канавку, они вошли в дом, бабушка крикнула в открытое окно:

– Выходите встречать, рабсила приехала.

Дед Олег, в пиджаке, накинутом на майку, уже шел навстречу, тетя Таня была еще в комнате.

– Привет, внучок, рад тебя видеть, – сказал он.

– Я тоже, дед. Как ты?

– Нормально, как и полагается в мои годы, давай садись за стол. – И потом к дяде Сереже: – Садись, сынок, за стол, покушайте и отдохните с дороги.

– Привет, привет, – раздался голос тети Тани, – приехали долгожданные. – И она появилась на пороге комнаты. – Давайте я за вами поухаживаю, кто что будет? Есть картошка отварная, а есть рисовая каша, котлеты и пироги.

– Пусть сначала молочка с дороги выпьют, – сказала бабушка, – я сегодня с утра принесла парное, давайте-ка по стаканчику.

– Отлично, а можно сразу и пирог тоже, а, бабуль? – спросил Артем.

– Пироги после того, как поешь, чего аппетит перебивать.

– Согласен, давайте тогда молоко и рисовую кашу с котлетой, – согласился Артем.

– Ох, какая каша получилась. Немного перестояла в печке и с топленным молоком получилась, просто объедение, – сказала тетя Таня, накладывая половником кашу из чугунка, который достала из печи ухватом.

Артем почти залпом выпил молоко, которое обожал, и принялся за кашу, которая действительно была вкуснейшая, дома на плите такую точно не приготовить. После того как все съел, попросил добавки.

– Ай да молодец, как ешь, так и работаешь, вот это по-мужски, – сказала тетя Таня, давая добавку.

– Как ехали, через Бородино? – спросил дед.

– Да, так надежнее.

– Это правильно.

– Бабуль, а молоко все также у Замочкиных берешь?

– Да, пока у них, но они хотят в этом году корову продать, тогда у дяди Вани будем покупать.

– А что еще в деревне нового? – спросил Артем, которому все было интересно.

– Пруд большой выкопал себе дядя Саша Мамучкин, с помощью бульдозера. Там теперь можно купаться, рыбу туда запустил, мальков, а баба Шура завела овец, можно теперь у нее овечий сыр покупать. Дочь дяди Вани дом себе будет ставить, как дачу использовать. А так новостей никаких особо, в деревне одни пенсионеры остались, вся молодежь разъехалась в Москву в основном, кто учится, кто работает, – ответила бабушка.

После плотной трапезы пили чай с пирогами, как сладкими, так и с различной начинкой: с грибами, с рисом, с картошкой, с капустой и с куриным мясом. Артем хотел все попробовать, но уже знал, что тяжело будет работать, поэтому съел только три. Вообще у бабушек Артем постоянно объедался; он твердо знал, что накормят в любом случае до отвала, поэтому при предстоящей работе приходилось себя ограничивать.

– Бабуль, а почему из печи всегда пироги вкуснее, чем в плите?

– Потому что в печи жар другой, особый, на дровах, по-особому выпекаются. Кушай, мой золотой, знаю, что ты любишь, вот и напекла к твоему приезду.

– Спасибо, бабуля.

Дядя Сережа все съел и сказал:

– Надо пол часика полежать, отдохнуть после еды, а то клонит в горизонтальное положение, пойду в сарай.

– Конечно, сынок, пойдешь, отдохнешь, – сказала бабушка.

Артем после еды пошел проверить пчел. Он любил наблюдать, как пчелы садятся на леток и улетают с него, садятся с желтыми толстыми лапками, нагруженные пыльцой, а улетают пустые. Если внимательно было присмотреться, то была видна траектория полета пчел: они цепочкой в воздухе прочерчивали путь, например, в поле или к цветущей липе. После того как сходил к ульям, захотелось меда и он попросил у бабушки:

– А можно медку немного попробовать?

– Только прошлогодний, в этом году еще рано. Вот, держи баночку, полакомись.

Мед оказался засахаренный, твердый, но обалденно вкусный. Артем съел несколько деревянных ложек и получил удовольствие, после чего пошел в дом тоже полежать и почитать, как обычно, какую-нибудь книгу. На этот раз ему попала книга Омара Хайяма «Рубай», и он с интересом ее читал. Через час пришла бабушка и сказала ему:

– Пойдем, я тебе покажу, что нужно сделать.

– Окей, бабуль, пошли.

Они подошли к изгороди с соседями слева. Там выпало несколько штакетов из забора.

– Вот видишь, какая беда, – сказала бабушка, – в эти щели теперь лезут соседские куры на наш участок и подрывают кусты смородины и портят грядки, надо сделать. Спроси у деда, что и как нужно и какой инструмент, договорились?

– Конечно, не вопрос, сейчас займусь.

С забором он провозился часа два. Взял у сарая несколько жердей, зашкурил их, отрезал по размерам и прибил. Дядя Сережа в этот момент чинил прохудившийся водосток с крыши. После тетя Таня им показала, где будут грядки с горохом и тыквами, и они принялись копать, благо земля была уже окопанная с прошлого года, шла легко. Позже они сделали небольшой перерыв на чаепитие и работа закипела с новой силой. Бабушка договорилась с дядей Ваней – вообще-то Иваном Григорьевичем – по поводу дров. Он спилил в лесу сухостой, и нужно было его забрать, привезти на участок, для этого он давал лошадь. Все это обошлось в три бутылки, вместе с лошадей, а для дяди Вани чистая прибыль – лес расчистил и еще заработал.

Когда Артем с дядей Сережей все загрузили, получилась полная телега толстых бревен, метра по три – четыре в длину каждое, и они обратную дорогу шли пешком, чтобы не напрягать лишним весом лошадь. После этого они принялись их разгружать и затем распиливать на маленькие чурбачки, чтобы потом можно было их колоть топором. Пилили двуручной большой пилой вместе с дедом, на козлах, а дядя Сережа тем временем ремонтировал парник.

Так прошел первый день приезда, после чего все вместе вечером играли в карты, в обычного «Дурака». Чаще всех дураком оказывались дед, потом Артем и затем дядя Сережа, а бабушки почти никогда. Легли спать уже поздно, а утром дед Олег разбудил рано Артема и сказал:

– Пошли, внучок, я тебя кое-чему научу. Надевай сапоги резиновые и выходи.

Солнце только-только взошло, и трава была вся в росе. Они прошли за огород, и дед сказал:

– Я сейчас буду косить траву, а ты запоминай, как надо это правильно делать. – Он взял косу и принялся заправски косить, при этом он объяснял – Спину держи прямой, а то устанет.

Главное, пяточку у косы прижимай к земле всегда, иначе острое застрянет. Движения должны быть плавными, без рывков. Запомнил? Теперь пробуй.

Артем попробовал, но получалось неважно: коса все время застревала в земле и косила плохо.

– Не получа-а-ается, дед, – расстроено протянул Артем.

– Я тебе говорил, что пятку всегда прижимай к земле и обращай внимание только на нее, про траву не думай, пробуй и веди плавно. Вот видишь, получилось, тебе нужно ручку у косы немного поднять. Ты сильно наклоняешься, не твоя высота. Я пониже, мне нормально. Давай сделаю.

Дед поправил ручку, и косить действительно стало легче.

– Уже получается, да, дед?

– Конечно, молодец! Видишь, как трава ровно ложится, кстати, косить нужно только утром или вечером, когда трава вся в росе, иначе сухая трава косится трудно, давай покажу, как косу точить нужно.

Дед взял точильный брусок, нижний край ручки косы опер о сапог, а саму косу взял за верхнюю часть, ближе к острию на конце и принялся водить бруском с двух сторон, взад и вперед, быстро-быстро. Смотрелось красиво, и коса была заточена как надо. Теперь пробуй, есть разница?

– Есть, конечно, я даже не напрягаюсь, трава сама косится.

– Вот то-то же, теперь тебе надо все скосить до самой дороги, чтобы все поле чистое было. Трава потом высохнет, и мы с бабушками ее соберем и на компостную кучу отнесем, для удобрения, понимаешь?

– Да разве можно все это скосить, тут неделю трудиться на-а-адо, – с тоской в голосе протянул Артем.

– Глаза бояться, а руки делают. Давай, Артем, вперед, завтракать в полдесятого будем, после и отдохнешь.

Артем принялся косить. До завтрака скосил изрядно, даже сам удивился, наверное, одну четвертую всего пространства до дороги. Сам процесс ему понравился. Там, где была трава около метра высотой, теперь был газончик, и можно было пройти, не замочив ботинки даже во время дождя.

Завтрак как всегда был сытным, вместе с парным молоком и пирогами. Что-что, а кормили бабушки в деревне, как говорится, на убой, роту, наверное, можно было накормить.

После завтрака Артем снова косил, но до конца не докосил, много еще оставалось. Тетя Таня его забрала на другую работу: вместе с тележкой и лопатой они пошли собирать в поле «коровяки», чтобы все лучше росло, как объясняла бабушкина сестра. Артему этот вид занятий меньше всего нравился, но делать было нечего. Дядя Сережа все это время вместе с дедом строили сарай для хранения керосина, часам к трем дня осталось только положить крышу.

– В следующий раз доделаешь, давайте пообедайте и вам пора уже собираться. Электричка из Бородино уходит в 18.15, вам в четыре надо выходить уже, – сказала бабушка.

Время оставалось только чтобы умыться после работы, переодеться и покушать, что они и успели сделать. В обратный путь с пустыми рюкзаками, что называется налегке, и выполненной миссией, после прощаний и напутствий, тронулись в сторону станции. Пока весна да лето, можно было себе это позволить, а когда подойдет сезон, то рюкзаки будут всегда полные. Туда с продуктами, обратно с урожаем, будь то картошка, кабачки, яблоки, варенье или грибы.

Артем знал, что, начиная с середины июля, пойдет сезон грибов и от них ждут полные корзины с подберезовиками, чернушками, лисичками или белыми грибами. Все это складывалось в огромные тазы, перебиралось, сортировалось, сушилось в печи, консервировалось и потом распределялось по семьям. Зато у каждой семьи по осени была полная чаша. Под каждой кроватью стояли банки с вареньем, медом, грибами, огурцами, помидорами, патиссонами,

баклажанами. На балконах хранилась картошка, квашеная капуста, чеснок, кабачки и многое другое. На всю долгую русскую зиму всем необходимым были обеспечены. Это за летний труд сторица, так сказать.

Таким образом складывалось сельскохозяйственное трудовое обучение Артема, чему он совсем не противился.

Глава VIII

Жизнь в Буэнос-Айресе. Продолжение

Через пару дней в Буэнос-Айресе была сильная гроза. Дождь так сильно лупил по крыше, что Артем, несмотря на то, что было пять часов утра, вышел на балкон – то, что он увидел, его потрясло. Дождь шел такой сплошной стеной, что соседнее здание, находящееся в тридцати метрах, не было видно. Воздух был такой сырой, что запершило в горле при его вдыхании, а по полу балкона текли потоки воды. Артем поспешил юркнуть обратно в комнату и опять лег, вслушиваясь в звук дождя.

«Это и есть, наверное, знаменитый тропический ливень, в прямом смысле как из ведра. Хотя здесь не тропики», – подумалось ему. После чего он опять заснул, звук его убаюкал.

Когда он проснулся, уже в 10 часов, то ярко светило солнце в маленькое окошечко и был виден краешек абсолютно голубого неба, а от дождя даже не осталось и следа. Он встал, оделся и спустился вниз, собираясь сходить в магазин. Внизу он встретил жену Александра, она убирала пол на первом этаже, с помощью палки типа швабры с резиновой полоской на конце, чтобы смахивать воду.

– Привет, Лена, – сказал Артем.

– Привет. Куда собрался-то?

– Пойду в магазин за хлебом, может, еще чего возьму к чаю.

– Думаю, тебе лучше в отеле посидеть, – сказала она вполне серьезно и потом еще добавила: – Если, конечно, у тебя нет резиновой лодки или водолазного костюма.

– А при чем здесь костюм, шутишь, что ли?

– Вовсе нет, пойдешь посмотри, сам увидишь.

Артем открыл дверь, вышел на площадку и встал как вкопанный. Только сейчас он понял, почему в этом районе все двери, ворота и входы в здания расположены на высоте не менее полутора метров. Все улицы и переулочки, не говоря о тротуарах, в обозримом пространстве превратились в реки, глубиной от метра до полутора, и вода плескалась у крайней ступеньки отельной лестницы, которых было около десяти. Из-за сильного дождя ливневые стоки не справлялись с возросшим потоком воды, и поэтому вода достигала такого уровня.

Никогда раньше Артему не доводилось видеть ничего подобного. Машины, припаркованные на тротуаре, стояли в воде по стекла. Немного вдалеке проезжал городской автобус, и его огромные колеса были полностью под водой; он ехал, благо выхлопная труба была выведена на крышу. Много людей толпилось у своих дверей, которые, по всей видимости, обсуждали эту проблему, но уныния или горя на их лицах не было, видно, что они привыкли уже давно к такому.

Справа от отеля появилась деревянная лодка, в которой несколько человек плыли, видно, по своим делам. Бродячие собаки жались на островках суши и на высоких подъездных площадках. Артем аж присвистнул от увиденного. Вслед за невиданным ливнем его ждало очередное удивление, ведь это не Венеция и не бунгало на Мальдивах.

Он вернулся к себе в комнату, а оттуда спустился к Лене, на урок испанского. Естественно, разговор начался с обсуждения увиденного. Лена объяснила, что сейчас сезон дождей и это обычное дело, а через 3–4 часа вода спадет и снова будет сухо. Она сказала, что такое не везде, а конкретно в районе Бока, так как он расположен в низком месте, в излучине реки, практически на одном с ней уровне.

Изучение языка проходило успешно. Артем быстро и легко усваивал все темы, чем удивлял Лену, для которой испанский был первым иностранным языком в ее жизни. Через несколько занятий он уже подумывал поменять педагога, жену Александра на настоящего пре-

подавателя испанского, носителя языка Ольгу Ивановну, дочь русских эмигрантов, с похожей историей, как у случайного знакомого в кафе, Евгения. Она приходила иногда в отель, давать уроки всем, кто этого хотел, и брала за урок 3 доллара, меньше, чем жена Александра, естественно, создавая конкуренцию, поскольку качество преподавания было намного выше. Александр со временем ей запретил вести уроки в отеле, и пришлось ездить на занятия к ней домой в уже знакомый район Бажестер, где проживало много выходцев из России.

Вообще жизнь в отеле постепенно вырисовывалась и становилась Артему все понятнее. Александр образовал вокруг себя что-то наподобие клана, или группу единомышленников для поддержки. Кто в него входил: семья, которая жила на первом этаже, рядом с комнатой Александра, муж с женой лет сорока пяти и с двумя сыновьями семнадцати и девятнадцати лет, из которых никто и нигде не работал. Жили они в отеле уже месяцев семь и проедали деньги, привезенные из России после продажи квартиры.

Александр, что называется с барского плеча, иногда находил какую-нибудь разовую работу для сыновей, типа покрасить что-либо. Жена семейства, крупная простая женщина, все дни напролет готовила, стирала, мыла. Ее муж – наоборот, худенький, небольшого росточка мужичок – целыми днями проводил время за телевизором. Они приехали, кажется, из Киргизии, какого-то мелкого городка. Они держались за Александра как за спасителя и всегда были на его стороне.

Еще одна семья из пяти человек – муж с женой лет тридцати пяти – тридцати семи и три сына семи, десяти и четырнадцати лет – жила на втором этаже. Они были в Аргентине шесть месяцев, тоже нигде не работали, хотя супруг иногда куда-то ходил, видимо, на разовую работу. Дети все дни проводили в отеле, они приехали из Кургана.

Была еще пожилая супружеская пара. Пара старичков, как их определил Артем, непонятно, что делали. Жили в отеле в течение трех или четырех месяцев, брали уроки испанского у жены Александра и всегда были тоже на его стороне, а он, получая с них деньги, естественно, за них. Они жили, видимо, на свою пенсию, которую получали из России. Также там, на первом этаже, жила еще супружеская пара с ребенком лет пяти. Глава семейства был моряком, в свое время сошел на берег в Аргентине, да и остался, а потом к нему приехала жена с ребенком. Они жили в отеле полтора года и ждали документы, гражданство, а затем уже намеревались поехать с ними дальше, например, в Штаты. Он работал в порту грузчиком, жена иногда где-то что-то убирала. Видимо, на жизнь хватало.

Они дружили с Александром семьями, часто вечерами болтали вместе за телеком и пили пиво, которое Александр притаскивал из супермаркета большими сумками. Кстати, аргентинское пиво Артему понравилось, было очень вкусное, с насыщенным ароматом, делалось оно на основе природной горной воды с Анд. Самое лучшее для Артема было пиво марки «Кильмес», он только его и покупал. Это, конечно, сильно сказано, но литр в неделю или в десять дней, может быть, выходило.

Остальные постояльцы отеля были самые разноплановые, да и была здесь представлена почти вся территория бывшего Советского Союза. Семья из Харькова с мальчиком лет семи, кореец из Алма-Аты лет тридцати семи, жил один и особо ни с кем не разговаривал. Две молодые женщины из Череповца лет двадцати семи – двадцати девяти, семейная пара из Челябинска с сестрой жены. Одна женщина, лет тридцати, приехала из Владивостока с целью найти себе мужа в Аргентине и т. д.

Жильцы, или, если можно так сказать, обитатели отеля, иногда менялись. Раз в две – три недели обязательно кто-нибудь съезжал, а заселялся новый жилец. Все эти люди приехали в Аргентину по разным обстоятельствам. Кто-то бежал от разных неприятностей, в том числе этнических, кто-то пытался спасти своих сыновей от службы в армии, кто просто устал от безысходности там и приехал в поиске лучшей жизни или каких-то перемен. В общем, здесь

были люди из Якутии, Магадана, Новосибирска, Минска, из Молдавии и Крыма. Из Москвы был только один Артем.

В отеле жили еще и аргентинцы, но не только. На четвертом этаже, на котором в последнем номере проживал Артем, жили еще по порядку от лестницы. Молодая парочка аргентинцев лет двадцати. Они практически не выходили из своего номера и все время кувыркались в постели, судя по звукам, доносившимся из их комнаты, тем более что двери были тонкие, металлические, с витражами из непрозрачного стекла и закрывались неплотно. За ними сразу жила семья из Боливии из трех человек, муж с женой и ребенком, девочкой лет десяти. Муж работал в овощной лавке и уходил с утра на работу, а жена сидела дома с ребенком, причем девочка в школу не ходила.

Непосредственно с номером Артема жил негр преклонных годов, наверное, ему было около пятидесяти пяти, но точно нельзя было сказать. Он был здоровенный бугай с круглым лицом, начинающей седеть шевелюрой и небольшой лысиной на самом затылке. Днем негра никто не видел в отеле; он появлялся под утро, а уходил поздно вечером, в промежутке, видимо, спал. Он был молчалив, ни с кем не здоровался и не разговаривал, иногда, впрочем, днем разговаривал вполголоса сам с собой, в общем, был странный недоброжелательный тип.

Артем однажды уловил несколько выражений, исходящих из его комнаты, через стену. Смысл их был в том, что негр не был рад, что он негр, имел какие-то проблемы на работе из-за этого, по всей видимости, к тому же он еще и был сильно выпившим, судя по тому, как он произносил и растягивал слова. После данного монолога послышался удар об пол и звон разбитого стекла, как видно, раздосадованный постоялец метнул бутылку в угол комнаты. Артем увидел его в то утро: он шел по коридору и ловил плечами стены. Жена Александра, чертыхаясь и кляня постояльца на чем свет стоит, долго убирала номер, коридор и балкон возле его комнаты.

Так все и жили в так называемом «русском отеле», как его окрестили местные жители. Однажды Артем невольно чуть не стал виновником разборки, а причиной всему были несовершенные системы водостоков, которые от раковины и раковин для мытья посуды и стирки с верхних этажей вели вниз, в канализационные люки, а также повлияла природная скрытность Артема. Но об этой системе Артем тогда ничего еще не знал. Все сливные трубы в местах стыков не были проварены или соединены каким-либо патрубком, а просто вставлялись одна в другую под углом, и между ними было пространство в три пальца шириной. Когда вода текла без напора, слабым потоком, то не было проблем; она перетекала из одной трубы в другую. Но когда поток усиливался, то все это устремлялось мимо трубы в эту щель и падало вниз. Придумать такое нарочно нужно было бы постараться, но незамысловатые аргентинские сантехники сделали так, даже не задумываясь.

Так, в один прекрасный солнечный денек Артем решил вымыть всю скопившуюся за неделю посуду, для чего он заткнул слив в раковине, свалил туда всю посуду, залил в нее моющей жидкости и воды. После мытья он вынул затычку, собрал посуду и преспокойненько пошел к себе в номер. Спустя минуты три или пять с первого этажа прибежали сыновья Крученых – это была их фамилия, – Артем в это время вышел и стоял на балконе.

– Слушай, – сказал старший, которого звали Стас, пристально с прищуром глядя на Артема, – ты не знаешь, кто сейчас на нас воду вылил, жирную? – последнее слово он произнес с особенным чувством отвращения.

– Нет, понятия не имею, я не видел, – простодушно и искренне ответил Артем. – А что, тут такое бывает?

– На нас вылили целое ведро грязной воды, всю одежду постиранную залили и стол, за которым в домино играли, что за сволочь? – взвизгнул младший.

– Кто бы это мог быть. Если не ты, то, может, ты видел кого-нибудь? – допытывался старший.

– Да нет, ребят, я только что вышел. А может, с третьего или второго этажа? – отвечал Артем, но у него стали закрадываться первые подозрения.

– Нет, я точно видел, как капала с четвертого, – добавил младший.

– Тогда не знаю. Когда я вышел, в коридоре никого не было, – ответил Артем.

– Слушай, я знаю, кто это сделал, – шепотом сказал Стас.

– Кто? – одновременно спросил Артем и младший брат.

Стас покосился глазами на соседнюю с номером Артема дверь и произнес:

– Негр! Это точно он, сволочь такая, только он может, пойдём с нами вниз.

Они спустились все вниз. Артем увидел внизу огромную лужу, валяющиеся на полу вещи, слетевшие под напором воды с бельевой веревки, и разбросанные костяшки домино, плавающие в жире, а также стол и стулья все мокрые и грязные. Сверху со стыка продолжала капать еще вода. Артем только сейчас понял, в чем дело и кто всему этому виной, но признаваться не стал, счел это глупым, к тому же он это сделал не нарочно и не знал, что такое вообще может быть.

– Вот это да, чья-то злая шутка или кто-то по незнанию, – тем не менее он сказал вслух, поглядев на это все.

Внизу собралось уже много народа и все обсуждали эту тему.

– Может, аргентинцы вылили, мы им всем не нравимся?

– Нет, скорее боливийцы.

– А ты, Артем, не видел никого, там, на четвертом?

– Нет, я только из номера вышел, когда ребята ваши прибежали.

– Все, точно, – орал Стас, – это негр, он нас всех ненавидит, сволочь, давно пора с ним разобраться, мне его рожа не нравится.

Собравшиеся одобрительно закачали головами.

– Точно негр. Он, может, сделал гадость и заперся у себя в номере.

– Пора с ним разобраться давно.

– Негр виноват, точно, давно его надо на место поставить, постоянно с ним стычки какие-то происходят.

В итоге толпа из семи человек – два брата, причем Стас прихватил скалку для раскатки теста, кореец, матрос, два молдаванина и Артем – поднялась наверх и стала ломиться к негру в номер. Дверь долго не открывалась, затем скрипнула задвижка, и на пороге появился хозяин номера в рваной майке и с бутылкой пива в руке. Увидев сию делегацию, намерения которой не вызывали сомнения, он попытался быстро закрыть дверь, но Стас просунул в щель ногу и ее сильно прищемило.

– Гад, – заорал Стас, – он мне ногу сейчас сломает, вышибайте дверь.

Все дружно налегли на дверь; негр ее держал как мог, но силы были неравны. Он отскочил вглубь комнаты и, схватив табурет, встал в оборонительную стойку, не понимая хорошо, что все-таки происходит. Все ломившиеся встали в дверях, возникла некоторая пауза.

– Подождите, давайте его спросим все-таки, – сказал матрос.

– Так он тебе и скажет, посмотри на его рожу, – возразил Стас.

– Ты воду лил на нас сверху? – спросил матрос.

Негр молчал, вращая глазами, которые стали злыми, и крепче сжимал ножку табурета, создавалось впечатление, что он сам сейчас бросится на вошедших, ведь он был здоровенный детина.

– Может, он не понимает тебя? – спросил кореец.

– Да все он понимает, на испанском свободно говорит, хоть и бразилец.

– Хорошо, вода, воду лил сверху? – повторил матрос.

– Что, какая вода, что вам нужно? – прохрипел негр.

– Ты нас всех водой грязной окатил сверху, – завизжал Стас.

– Ничего не понимаю, какая вода? Проваливайте отсюда, – заорал негр, который был в сильном подпитии.

– Врет, сволочь, сделал гадость, не признается никогда, – послышалось сзади.

Артему эта сцена вообще не нравилась, как бы он ни относился к негру. Он понимал, что тот, по всей видимости, спал и воду мог вылить только он, Артем, вряд ли кто-либо еще мыл посуду после него в такой короткий срок.

– Может, действительно не он? – спросил кореец.

– А кому еще в голову придет такую пакость сделать?

– Значит, ты не лил воду? – спросил еще раз матрос и сделал жест, как будто из кувшина воду на голову льют.

– Проваливайте отсюда, живо, – негр все более озлоблялся.

– Ладно, нечего тут делать, не он это. Пошли, извиниться, наверное, надо, – сказал молдаванин.

– Вот еще, да он это сделал, я в этом уверен, извиняться еще надо! Он же врёт, сволочь, посмотри на рожу, – не унимался Стас.

– Ладно, пошли уже, – сказал матрос.

Они высыпались из маленькой каморки негра в коридор.

– Идите, идите отсюда, пошли вон, плохие люди, – ворчал негр им вслед, закрывая дверь.

В коридоре долго еще обсуждали эту тему и вину негра, который шел в отказ, стучались в номер к боливийцам и аргентинцам, но двери им никто не открыл. Так, кроме домыслов и догадок ни к чему не пришли и в конце концов разошлись, ругаясь, по комнатам. Артем в спор не вступал и свои соображения не высказывал, отговаривался, что сам он был в номере и ничего не видел. Но с тех пор он мыл посуду подстраховываясь, лил осторожно воду и спускал ее частями, ругая местных умелых сантехников. Таким образом, то спокойно, то вот с такими неожиданными, бурными событиями, протекала жизнь в отеле в районе Бока.

Артем, как обычно, жил замкнуто, в своем стиле, общался со всеми по необходимости, но дружбу не завязывал, а сосредоточился на изучении языка и питании, которое ему очень нравилось, учитывая очень хорошее качество местных продуктов, особенно мяса и спелых фруктов. Его питание свелось к определенному рациону. Он готовил мясо; оно получалось наполовину жареное, наполовину вареное, так как он его сначала варил, а потом обжаривал, и стоило оно очень не дорого. Затем он делал себе салат из зелени – она называлась лечуга – со свежими томатами. Крупно их нарезал и заправлял все это соком лимона, половину которого он целиком выжимал в салат, который получался кисленький и очень сочный. Также он употреблял по бокалу в день красного вина, которое также было дешевое и очень хорошего качества. Ну и, конечно же, сладкое, которое он обожал, конфеты или свежая выпечка, а на десерт фрукты, которых было в изобилии, естественно, все недорого.

Артем был в отеле единственный москвич, и он приехал сюда не из-за экономических соображений и не по этническим гонениям, да и жил он всю жизнь в идеальных условиях с самого детства. Для него, после московской отдельной квартиры, вся эта жизнь была в диковинку, каким-то экстримом, он наблюдал как бы со стороны за всем этим. Что-то его удивляло или восхищало, а что-то расстраивало и давало повод к размышлениям. Жильцы вроде бы жили дружно и коллективно, всегда охотно общались, но это была только видимость, особенно это стало отчетливо видно поле одного случая.

Когда у одной семейной пары ребенку стало плохо, было подозрение на аппендицит, и мать ребенка попросила жену Александра помочь, сходить в госпиталь «Архерич», который находился в пешей доступности от отеля, быть переводчиком при общении с врачами. Лена, видимо, пользуясь ситуацией, запросила за свои услуги «всего» 100 баксов, и в итоге матери пришлось обратиться к услугам другого жильца, который хорошо говорил на языке. И случаев, подобных этому, было достаточно.

Артем постепенно стал задумываться о вещах, о которых раньше не думал или не замечал. Например, о том, что он, русский, принадлежит к великой нации и из самой большой страны мира, и что все русские люди должны это чувствовать и жить единым целым народом. Ан нет, такого в реальности, к сожалению, не происходило, а происходило в точности до наоборот. Русские люди – по крайней мере, за границей или вдали от дома, – в отличие от армян или евреев, а также других малых народов, которые жили и живут диаспорами и которые стараются помочь своим собратьям, наоборот, вели и ведут себя как в стае волков. Они стараются не только заработать на ближнем, но еще и поиметь его, если предоставлялся такой шанс.

Все старались жить обособленно, но не это беспокоило, а то, что поддержки, помощи или совета было не дожидаться, у каждого были только свои интересы. Про грубость и хамство можно даже не говорить в такой ситуации, это было обычным делом. Получалось, что все, кто приехал, вместо того чтобы жить единым кланом или хотя бы помогать друг другу, не имея в виду материально, упаси бог, а просто словом или делом, напротив, стали чуть ли не врагами друг другу. А может быть, это не жизнь вдали от своей страны так влияет, а и в России тоже люди имеют такое общение, может, это просто в русском человеке так заложено издревле. Откуда иначе возникло такое изречение: моя хата с краю, я ничего не знаю. Или еще: когда пришли за соседом, то я промолчал.

Он вспоминал службу в армии, где уже с этим сталкивался. Все эти размышления расстраивали и огорчали Артема, но когда он выходил на улицу, то все эти тягостные раздумья оставались в стенах отеля, а за ними текла совсем другая жизнь.

Глава IX

Служба в Советской Армии

Внимание! Рота, подъем! – послышалось сквозь сон, и далее сквозь затухающие обрывки сна начался грохот и гул прыгающих со своих кроватей ребят, бросающихся к своей одежде. – Форма одежды номер два, – продолжал командир роты, капитан, стоящий на центряке.

Артем тоже вскочил и, как на автопилоте, натянул штаны, гимнастерку, намотав портянки, воткнул ноги в сапоги и, застегивая на ходу пуговицы, побежал в строй.

– Рота, стройся! Налево, бегом марш, – пробасил капитан.

Все побежали вниз по лестнице. Казарма была двухэтажной, и их рота располагалась на втором этаже. Внизу также было общее построение.

– По направлению к стадиону бегом марш, – скомандовал стоявший внизу прапорщик.

Все с топотом побежали по направлению к стадиону, который располагался примерно в пятистах метрах от казармы. Они обежали плац, обогнули здание библиотеки и побежали по аллее с пирамидальными тополями. Впереди бежал капитан роты Калогоулов, киргиз по национальности, человек исполинского роста и телосложения. Было довольно прохладно и темно, солнце еще не взошло, было около пяти утра. Топот, сопение и кашель слышались со всех сторон. В основном все бежали молча, изредка слышались недовольные бурчания, в основном от старослужащих.

– Опять ему не спится или снова кто-нибудь в самоволке пойман, а мы, как всегда, крайние.

– Не, все нормально, – отвечал какой-нибудь знающий, – никого в самоволке, это просто тренаж, не более. – Слышались облегченные вздохи.

Сделав кругов пять по стадиону, около трех километров, все построились для зарядки.

– Руки вытянули, ноги на ширине плеч, – слышался голос капитана, – махи ногами, двадцать раз, выше ноги. Раз, два, раз, два, веселей.

Такие забеги были большой редкостью в военно-строительном отряде и зачастую происходили в основном в случае, если отряд проштрафился из-за кого-то или в чем-то.

– Рота, стройся! в казарму бегом марш, – командовал Калогоулов.

Впереди всех побежал прапор Сидоренко, а Калогоулов пошел в штаб.

– Сейчас водные процедуры, вольно, – скомандовал Сидоренко по прибытии в казарму.

В умывальнике мест на всех не хватало и приходилось ждать. Кто-то из салабонов-новичков попытался протиснуться первым, но получил увесистый пинок и встал в сторонку, ждать, вместе с остальными. Умывались все с голым торсом, водичка была скорее прохладной, чем теплой. В итоге, переждав основной наплыв, удалось умыться, после умывания оставалось немного времени до построения на завтрак.

Завтрак в отряде протекал следующим образом. За столами сидели по шесть человек: три, как правило, старослужащих, отслуживших по полтора года, и три новичка из последнего призыва. Перед тем как приступить к еде, старики всегда спрашивали, сколько дней осталось до приказа, и это надо было знать, иначе можно было получить затрещину. После правильного ответа довольные старики отдавали салабону свою порцию масла.

Кормили, как правило, на завтрак так: ставили большой котелок с какой-нибудь кашей, в основном пшенной, и каждый с помощью половника накладывал себе в тарелку. Также стоял чайник с уже заваренным чаем и был хлеб с круглыми порциями масла, лежащими на тарелке, о которых уже шла речь выше. После завтрака опять было общее построение, после которого всех развозили на работу, на объекты. Так начиналось каждое утро в ВСО 0006 в феврале

месяце, 1988 года в далеком узбекском городе Навои. Туда Артема перебросили с десятком других москвичей из учебки в городе Кзыл-Орда, куда он попал 12 декабря предыдущего года.

Артема в районном военкомате Ленинградского района г. Москвы определили к нестроевой службе по причине здоровья: аллергия, астма, плохое зрение, в общем, целый букет. Знакомый врач помог задержать призыв на полгода, чтобы его не послали служить на Север или Дальний Восток, куда и шел весь призыв, и где ему с его здоровьем пришлось бы туго. Поэтому его не призвали в мае, а призвали в декабре, дав предварительно от военкомата окончить курсы вождения на категорию С (грузовики).

Сам призыв проходил в кинотеатре «Варшава», что на ст. м. «Войковская». В этот день шел сильный снег; все новобранцы пришли с родителями. В зале по алфавитному порядку всех вызвали на сцену, набралось человек двадцать, после чего майор поздравил всех стоящих на сцене со службой и затем через боковую дверь всех посадили в автобус. Артема пришли провожать мама с папой и бабушка, мамина мама. Родственники выбежали – именно выбежали, так как все было сделано очень быстро – тоже через ту же боковую дверь, но автобус уже рванул с места, и Артем только успел рукой помахать всем, кто пришел его провожать.

Автобус их привез сначала в районный военкомат, где они быстро прошли медкомиссию, и после отвез их в центральный, где-то на востоке Москвы. Из центрального военкомата на следующий день в том же составе их посадили на самолет в Домодедово и отправили в г. Кзыл-Орда. В учебке сошлись несколько потоков призывников: из Москвы, Кемерово, Новосибирска и Гурьева, что в Казахстане.

Артем впервые оказался в такой ситуации. Он и раньше-то дальше пионер лагеря не ездил один, да и то единственный раз и проболел почти всю смену, лежа в лазарете. Так далеко от дома, в совершенно чуждой обстановке он чувствовал себя, мягко говоря, неудобно, да и дома он не бывал в больших компаниях и впервые оказался в большом, чужом ему коллективе, но твердо решил, если что, в обиду себя не давать. Дело осложнялось еще и тем, что он не знал, как в такой обстановке себя вести. Являясь чисто домашним мальчиком, он понятия не имел, что и как делать. Что считалось нормальным и правильным на гражданке, здесь было неприемлемым и не годилось, а посоветовать было некому.

В первый день в умывальнике к нему подошел казах и попросил, именно попросил, помочь постирать рубашку, вдвоем. Артем ему помог, и после вместе ее выкручивали. Затем к нему подошел сержант, русский парень, и сказал, что если еще раз он так сделает, то будет чмо. На что Артем пожал плечами и сказал, что, если нужно, он пойдет и побьет того казаха, но на том все и закончилось. С тех пор он стал задумываться над каждым своим действием.

Днем у них были теоретические занятия и физическая нагрузка, ночью все отдыхали, так как уставали за день. Пробежки были почти каждый день, а один раз пришлось бежать в противогазе, но в нем Артему тяжело было бежать, не хватало воздуха, потому как объем его легких был ниже нормы. Он его снял, за что получил наряд по кухне, чистил картофель. Вообще Артем был спокойным и тихим парнем на гражданке, никогда не ввязывался ни в какие разборки и дрался за всю жизнь несколько раз. Это несмотря на то – а может, именно из-за того, – что занимался боксом в последних классах школы в течение двух лет в секции ДЮСШ, что находится недалеко от той же станции метро «Войковская».

Почти в самом начале, после их прибытия в учебку, в казарме произошло целое побоище, каких Артем никогда не видел. Началось все с того, что двое парней из Новосибирска что-то не поделили с группой казахов из Гурьева. Слово за слово, и началась потасовка. Сержант, который хотел их разнять, получил стулом по голове и упал. Увидев это, другой сержант свистнул стариков из соседней казармы. Казахи, которых было человек тридцать пять, встали все за своих и с криками «бей их» бросились на всех, кто был не казах. Ребята, что были рядом с Артемом, схватили что могли: один намотал ремень с медной пряжкой на руку, другой схватил табурет, третий кирзовый сапог.

На Артема накинулся высокий казах с квадратным лицом со зверским выражением, размахнувшись на 180 градусов, он ударил со всей силы. Артем, сидя еще на кровати, тем не менее успел без труда увернуться от этого удара, чуть-чуть пригнув голову. Кулак казаха рассек пустоту и поймал на излете железную спинку кровати. Лицо его скривилось от боли, а Артем дал ему ногой в сапоге по коленке и правой приложил в районе уха, не попав в челюсть, но противник рухнул за кровать.

Тем временем драка набирала обороты. Дралась уже вся казарма, человек восемьдесят. Кто-то кинул в гущу дерущихся табурет, попал кому-то в голову, кто-то выломал перекладину из кровати и махал ею как палицей, кругом стоял крик, шум ломающейся мебели, стоны и все такое. Все это происходило в полутемноте, так как уже стемнело, а свет лампочек был тусклым.

На Артема еще налетел какой-то казах, было не разобрать. Несколько ударов просвистело мимо, Артем хорошо уклонялся. Тогда нападавший, чтобы удержать его на месте, вцепился в рубашку левой рукой, а правой начал лупить. После первого Артем увернулся и обрушил на нападавшего град ударов, даже по счету сбился, после чего рука на рубашке ослабла и тот упал под ноги дерущихся. В этот момент Артем сам получил сбоку сапогом в голень, а затем еще по голове сзади и отлетел в угол, вдогонку получив еще пару ударов, но сознание не потерял, прополз между тумбочкой и стеной и снова встал.

Драку затем удалось прекратить. Минут через двадцать комендантское отделение, в котором были почти все спортсмены, в полном составе прибежало вместе с дежурным по отряду и расчищали поле боя. После этой потасовки голова у Артема болела несколько дней, а тело все ныло. По словам сержантов, это было здесь обычное дело и периодически такие беспорядки возникали, когда шел новый призыв. Через пару недель всех, кто был в казарме, развезли кого куда. Артем попал в Навои, другие поехали в Бухару, третьи – в Ташкент и дальше.

В принципе ему повезло: климат был теплый, летом жаркий, теплая погода длилась с апреля по ноябрь, он как раз такую и любил, а зимой температура редко опускалась ниже двух – трех градусов мороза. Слово «повезло» здесь уместно, так как климат климатом, а некоторые призывники попали куда-то в горы, как говорили, на урановые разработки, что находились в 80–90 километрах от Навои.

Военно-строительный отряд располагался на окраине Навои и занимал территорию в пару квадратных километров, окруженную забором с колючей проволокой. Он был расположен между полковой частью и военным госпиталем. На территории располагались две казармы, штаб, здание комендантского отделения, магазин, столовая, клуб, библиотека и стадион. Большинство в ВСО 0006 работало на двух предприятиях: это «Навоиазот» и цемзавод, основополагающие предприятия города, работать на них тоже было небезопасно, тем более с его заболеланиями.

Первые два месяца Артем все-таки проработал на цемзаводе – впечатления не были приятными. Работали вместе с эсками через сетчатый забор, и цементная пыль висела в воздухе. Благо была зима, воздух был влажный и не так тяжело дышалось. Работал он там до тех пор, пока случай не позволил ему перейти в хоззвод, что по обслуживанию самой воинской части на территории. На хоздворе собирались открыть новый продуктовый склад, а при нем холодильник, большую морозильную камеру, и нужно было собрать холодильную установку для ее работы. Зам по тылу, майор Федоркинов искал людей, кто мог бы это сделать. Оказалось, что во всем отряде это сделать мог только Артем, который окончил техникум общественного питания по специальности «холодильно-компрессорные машины и установки». Он собрал все за пару дней, и зам по тылу только вызвал сварщиков, так как сварки своей в отряде не было, которые заварили все стыки за час. Артем был тут же принят в хоззвод, где и проработал до конца службы.

Состав отряда был многонациональный, 50 % всего отряда были москвичами с майского призыва, всего на полгода раньше Артема. Остальные в процентном соотношении примерно

так: казахи – 20 %, сибиряки (Кемерово, Новосибирск, Тюмень и Якутск) – 10 %, украинцы – 10 %, остальные 10 % делили белорусы, молдаване, армяне, грузины, кабардинцы и чеченцы. Кабардинцы сразу же сошлись с чеченцами, которых было человек десять, все из Казахстана. Эта группа из двадцати человек держала в страхе весь отряд в количестве трехсот семидесяти человек. Если кто-то дерзил или поднимал голову, то его наказывали эти двадцать избранных.

Однажды отлупили одного здоровенного москвича, который кому-то из чеченцев не уступил дорогу, другой раз тоже не слабого сибиряка из Тюмени, за то, что побил одного из группы. И никто, что удивительно, не подумал о том, что русских – и не просто русских, а москвичей – в отряде было человек двести пятьдесят, и они могли стереть в порошок любую группировку. Но, видно, в том и дело, что взаимопомощь у русских, к сожалению, не в чести, в отличие от малых, но гордых народов Кавказа и не только. А может, это болезнь всех больших наций и народов, но как же тогда китайцы, ведь они друг другу помогают и живут общиной в любой стране мира. Если делать выводы, то получается, что сплачивает русских людей только большая внешняя угроза и железная рука власти. Это доказывает история, и никуда от этого не деться. А так, как ни крути, получается, основной лозунг в действии: моя хата с краю, я ничего не знаю. По правде говоря, очень все это обидно было и непонятно для Артема.

В общем, всю службу Артем держался особняком, ни к какой группе, или группировке, не примыкал, в блатные не лез, но и чмом тоже не был. Он был слишком рассудителен и не собирался все время подтверждать статус блатного постоянными стычками, тем более что это было не в его характере. Он также понимал, что два года не вечность, и они пройдут, поэтому отвечал крайне редко и в исключительных случаях. Там же он познакомился с парнем, который был призван из Москвы из его же района, только в мае, раньше него на полгода.

Парень отличался от многих своей манерой поведения: он был умен, вежлив и аккуратен. Что самое приятное было для Артема, это то, что, можно было сказать, нашел родственную душу. Этот парень в дальнейшем стал его единственным другом, с которым он разговаривал на все темы и не имел от него секретов. Уже на гражданке они вместе ходили попить пива и пообсуждать девчонок или какую-либо жизненную ситуацию. Когда Артем приезжал из Аргентины навестить родных, они всегда встречались, впрочем, и сейчас продолжают дружить.

Последние полгода Артем проработал хлеборезом, куда перешел тоже случайно. Предыдущий хлеборез – белорус, из местечка Городок – был дембель и искал себе замену, а Артем согласился, так как решил себя попробовать в новом качестве, а заодно и быть поближе к кухне. И не прогадал, стал уважаемым человеком в отряде, распределял хлеб, масло и сахар согласно установленным нормам личному составу, а также отдельно офицерам и блатным, без этого в данной системе никак.

В итоге два года прошли без особых неприятностей и травм. Какой-то особенной пользы от службы для себя он не извлек, как принято в народе говорить, прошел хорошую школу и пришел человеком из армии. Он не считал, что это была хорошая школа. Хотя там он увидел оборотную сторону медали и узнал, как работает вся эта система изнутри, и, возможно, не только в армии, но и в гражданской жизни. Например, начальник отряда управлял блатными, сержантами и авторитетами группировок. Да, такие были, и им ставил задачи, а те, в свою очередь, контролировали остальную массу. Так поддерживался порядок в отряде.

Также учитывался вопрос денег: те, кто постоянно получал переводы на имя какого-нибудь офицера, были на особом положении и особых условиях. Также он увидел, как кто-то, не представляющий из себя ничего существенного, присоединяясь к какой-нибудь группе, сразу же задирает нос, становясь приблатненным. Наверное, в этом нет ничего особенного. Людям посредственным как-то надо устраиваться в жизни, и если они сами ничего не могут, то в коллективе могут что-то сделать. Возможно, это мини-модель России и мира в целом, которые управляются с помощью силы и денег. Иначе говоря, власть, которая с помощью денег

управляет силовыми структурами, средствами массовой информации, и единственный ее интерес – это порядок и стабильность, но это скорее другая тема и другая книга.

Глава X

Люсия

Дни в Буэнос-Айресе бежали чередой, один за другим, декабрь перевалил за вторую половину. Артем учил язык, продолжал изучать город, приближалось католическое Рождество. На улицах, в основном вблизи католических храмов, появились сценки, сюжеты из библии о рождении младенца, ясли, подсвечиваемые в темное время суток. Это было великолепное зрелище и для него необычное.

Сам город и каждый дом украсились гирляндами, фонариками, украшениями в виде еловых веток с разноцветными ленточками и шишечками. Украшали не только двери и окна, но и придомовые территории. По улицам ходили Санта-Клаусы, одетые в красные шубы, с мешками и раздавали бесплатно детям конфеты. Но самым непривычным для Артема в это время года была погода. В декабре установилась жара, да в Аргентине всё наоборот, самый жаркий месяц это январь. Он это знал, но одно дело знать, другое дело – привыкнуть к этому.

Из общения с местными жителями – он уже умел немного это делать – Артем выяснил, что для католиков Рождество главный праздник в году, и они его отмечают грандиознее всех остальных, а, скажем, Новый год как обычный праздник, которых много. Его спрашивали, как отмечают Рождество в России, и, получив ответ «никак», недоуменно пожимали плечами, на что Артем объяснял, что при Советском Союзе такого не могло быть в принципе. Он объяснял, что вообще в России православие и в настоящее время отмечают свое рождество и свои праздники, но отмечают их в другое время.

Гуляя по улицам и общаясь запросто с незнакомыми людьми, он стал замечать, что местные девушки обращают на него внимание и постреливают глазками, чего в России он или не замечал вовсе, или это было крайне редко. Он прекрасно понимал, что не был красавцем или мачо, никогда особо не кадрился к девушкам и в принципе считал, что это не его тема. А объяснял сам себе происходящее сейчас тем, что чисто белых людей было мало, видимо, они были в дефиците, если так можно выразиться. Да, были итальянцы, испанцы, но они были южане, и их с натягом можно было считать чисто белыми, как, например, скандинавов или англичан.

На родине у него не складывались отношения с противоположным полом, девчонки на него никогда не западали, а, наоборот, он пытался построить длительные отношения. Они всегда быстро заканчивались, но не по его вине, как он считал. Возможно, он не с теми девушками знакомился, а может, все-таки дело было в нем самом. В итоге он перестал пытаться познакомиться и завести отношения.

Со своей женой он познакомился по газете, куда ради прикола решил дать объявление. В итоге встретились, разговорились, нашли много общих тем и в итоге через несколько месяцев решили расписаться, но не на почве страстной любви, скорее из практических соображений, на почве того, что и он, и она хотели уехать за границу, а так было легче всего, в том числе и с документами тоже. Так что штамп в паспорте его не сильно беспокоил, тем более что при переезде и после получения местных документов они договорились идти каждый своим путем. Марина хотела уехать дальше, в Северную Америку, и там найти себе мужа, а Артема устраивала и Аргентина.

Итак, благодаря южноамериканской свободе общения, можно было запросто завязать непринужденный разговор со всеми, включая женский пол. Это было разительным для него отличием с Россией, где любая девушка каждую его попытку заговорить с ней или познакомиться встречала, как правило, в штыки, изображая занятость, неприступность, холодность, отсутствие времени. Конечно, у всех по-разному это происходит, но у Артема это происходило именно так.

Однажды в кафешке на набережной Пуэрто-Мадеро, куда Артем зашел выпить соку – именно соку, так как кофе он пил редко и заваривал его всегда сам, – к его столу подсади две девушки лет около двадцати. Может из-за того, что было много народу и было мало места, а может, и не по этой причине. Они предварительно спросили, свободно ли место, он одобритительно кивнул головой и ответил да. Уловив акцент в столь коротком слове, завязался разговор, насколько это возможно было с учетом ограниченного знания языка Артемом, в ходе которого они познакомились.

Брюнетку звали Бернарда, а светленькую Люсия. Бернарда имела светлый цвет кожи, но в прямых чертах ее лица угадывался потомок ацтеков. Люсия же, напротив, имела чисто европейскую внешность, и черты ее лица были более сглаженными, возможно, она происходила из семьи итальянцев или испанцев. Девушки добродушно смеялись, когда Артем неточно, не совсем правильно или с заметным акцентом произносил слова. Но разговор пошел более свободно, когда выяснилось, что Люсия говорит хорошо по-французски, что обрадовало Артема, который на этом языке разговаривал очень хорошо и, главное, правильно, не зря же он несколько лет его учил с индивидуальным преподавателем и потом еще на курсах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.